

Кл. 84(2Р)-49СХ
ОС 17

Альбина Самусевич

САД
КАМНЕЙ

Кл. 84(2Р=Рус)6
С 17

САД

КАМНЕЙ

Аудіона Самуєвур

САД

19094-1
НБ50514

КАМНЕЙ

Стихотворения

Читальный зал

Центральная городская
библиотека им. А. П. Чехова

Калининградская
ЦБС

ЯНТАРНЫЙ СКАЗ
КАЛИНИНГРАД

84 (2Р-РУС) 6-5
С 67 17

Художник *А. В. Старцев*

Самусевич А. Г.
С 67 Сад камней: Стихотворения./ Худож. А. В. Старцев. — Калининград: Янтар. сказ, 1998. — 144 с.—Б. ц.
84 (2Р-РУС) 6-5

В сборник избранных стихотворений Альбины Самусевич, члена Союза российских писателей, вошли стихи и поэмы из ранее вышедших книг и новые произведения, знакомые читателю только по отдельным публикациям в периодической печати.

© Самусевич А. Г., 1998
© Старцев А. В., оформл., 1998

Предисловие

Предисловие, впереди написанного, желание оговорить что-либо наперед, ввести читателя в Слово, в мысли и чувства свои, выраженные существительными и прилагательными, глаголами и наречиями... А нужно ли это читателю? Он сам разберется, он сам отделит зерна от плевел! И все же я продолжаю разговор о стихах, о времени и о себе. О себе, слабой, страдающей, в печали и — о себе, воскресшей из небытия, верящей в добро... Но придет ко мне однажды незнакомая женщина и скажет, что все написанное — это о ней, а вовсе не обо мне. Я буду молчать и слушать, а она будет говорить, говорить, говорить и смахивать слезу кружевным платочком... Вос-

тину, чужой боли не бывает, ибо кто даст мне ответ: “Неужто годы все ушли на боль?”

Предисловие — как посох для слабовидящего. Он нужен ему, но видит он сокрытое от нас — внутренним оком. Так и мне подчас хочется во тьме — быть зрячей, идя путем всея Земли и чувствуя себя то песчинкой с колеса кочующих племен, то дождевой каплей, а иногда и потоком ливневым, омывающим мир от грязи, зла и обид... Мне хочется, чтобы слово, подобно птицам и дождям, летело поверх границ, поверх недоверья, рождая улыбку, как пароль, понятный на всех языках, как знак гостеприимства...

Я приглашаю читателя в Са д к а м н е й, его иначе называют Философским садом Храма Рёандзи, в древней столице Японии — Киото. Сбоку на стене, в рамке висит надпись (перевод стихотворения): “Сядьте и побеседуйте с Садам камней. В огромном мире, как отдаленные точки, затеряны островки с благоухающими вершинами, напоминая нам бескрайнюю Вселенную, и наши сердца очищаются от скверны...”

Этот Сад — рукотворное чудо; пятнадцать неотесанных, замшелых камней расположены так, что видны только четырнадцать, а пятнадцатый все время скрыт, невидим. Может, он — и есть посох, который мы ищем в трудную минуту, чтобы опереться, и не находим... Но сам поиск — не есть ли смысл жизни? А может, ж и з н ь — только п р е д и с л о в и е к некой тайне, которая, возможно, приоткроется на страницах этой книги или вовсе между строк, когда читатель постигнет всю гамму тьмы и света и все оттенки зла, суть вещей и бессмысленное цветение сирени — и стих как охранную грамоту всего сущего, всего цветущего...

Альбина Самусевич

УТРЕННИЙ ОБХОД

*Я восславлю утро, соловьям вослед,
утицей премудрой окунусь в рассвет.
Выйду из купели — синий полдень тих,
Чтобы камни пели, разбужу я их!*

Утренний обход

Глаза в глаза, в упор вопрос:
— Скажите, доктор, только правду!
На слово, горькое до слез,
он не всегда имеет право.
Не опускает взгляд в ответ,
чужую боль своей считая,
он примечает жизни свет,
и ни на шаг не отступает.
Он верит сам в святую ложь,
присев на краешке постели.

Так в засуху спасает дождь
к земле поникие посевы.

Поединок

Сестры слезы украдкой прячут:
умирает парень в палате...
Ну а он — никаких смертей!
Мастерит веселых чертей
из капельниц,
 трубочек разных...
Каждый день у него — праздник!
Подарил всем в палате по черту.
Мастер — он ведь всегда в почете.
Скалят зубы бесы-уродины,
а ему захотелось смородины.
Захотелось — взглянуть на природу,
захотелось — огурца с огорода.
Потянулся он к жизни смелей,
сделал черта голубых кровей...
Выжил парень, хоть “сидел на мели”,
не иначе черти Мастера спасли.

Я — женщина, я слабый пол,
дождинка на большой планете.
Заботами весь день мой полн,
и лишь во сне послушны дети.

Я — женщина, жена и мать,
мне ль, слабой, трудных дел бояться?
Привыкла я чуть свет вставать,
на боль чужую откликаться.

Я — врач, и нет меня сильней:
сметаю зло потоком ливневым!
В натруженных ладонях дней —
я продолжаю ж и з н и линию.

Цветы

Четыре женщины в палате...
У каждой — боль своя и свой недуг,
страх смерти

и в душе испуг...

Их не судите, Бога ради.
Белье казенное со штампом,
больничный выцветший халат.
В день посещений,
долгожданный,
к ним четверо мужчин спешат.
У каждого — свои заботы,
один угрюм, другой — навеселе.
Уставшие... Идут с работы,
взлетишь едва ли об одном крыле.
Мне не забыть глаза беды,
четыре женщины в палате...

Лишь у одной — светиночка
во взгляде,
лишь у одной — на тумбочке
ц в е т ы!

Журура

Лоб покрылся капельками пота:
у стола весь день,
как у станка.
У него — “стоячая” работа,
в тридцать лет —
осанка старика.
Сняв перчатки, пот смахнет рукой,
скажет тихо:
— Будет жить.
Безупречный шов
оценит лишь портной,
и позавидует — уменью шить.
...Да не прервется жизни нить.

Больничные стихи

Наташе

Весны поблекла акварель,
все гуще облака,
все чаще грозы...
Застопорилась жизни карусель:
по каплям в вену
капает глюкоза.
Как белый стих,
ритмичен день,
ночь беспокойна
и тревожен вечер.

Недуга призрачная тень
скулит назойливо:
 “Никто не вечен.
Дуб засыхает на корню,
ромашек солнца
 под косою меркнут,
и жизнь твоя — у ночи на краю...”
Но я-то знаю, все бессмертно!
Проклюнет желудь
 скорлупу ростком,
и семена цветов посеет ветер.
Покрасят карусель
 апрельским днем.
И жизнь моя
 продлится в детях.

На старом больничном дворе

Розы цветут так ярко
на старом больничном дворе:
горят угольками в костре,
костром полыхают жарким...
Розы цветут так ярко.

Врачуют в любую погоду.
С утра их приветствует двор:
красная с желтой ведут разговор,
над болью, недугом — восходят...
Врачуют в любую погоду.

Не от белой ли розы светает?
Окна настезь, поют соловьи,
отступают все беды мои,
и надежду душа обретает...
Не от белой ли розы светает?

Утро

— Пинь-пинь, — вспорхнула с ветки
птица,
созвучья света расплескав.
— Скрип-скрип, — проснулась
половица,
услышав птичий грай леска.
— Шу-шу, — зашелестели травы,
и зазвенела вслед пчела.
— Цок-цок, — запели тротуары,
последний сон смахнув с чела.
...Люд торопился на работу,
внимая пенью колеса.
А я свою искала н о т у,
прислушиваясь к голосам.
Даль засветилась, заиграла —
и звуки силу обрели.
Неспешно солнце совершало
свой у т р е н н и й
о б х о д Земли.

Детство

Наш дом без крыши упирался в небо
(На крышу не хватило денег).
Ночные звезды пахли хлебом
и падали в ладони детства...
Я с ними перед сном играла.
(В ту пору не было игрушек).
Луна корову мне напоминала,
и я тихонько плакала в подушку.
Кормилицу семьи — корову
мы продали на лес для дома.
Послевоенный год суровый,

год небывалого подъема...
Я знала, рано или поздно,
мы вставим окна, купим крышу.
Я сохраню в ладошке — звезды
и посажу у дома вишню.

“Времен связующая нить...”
Жужжит веретено.
Умею лен трепать и бить
и выткать полотно.

Знаком мне хлебный дух избы
и прялка у окна...
Показывает мать азы
науки древней льна.

В мозолях руки, градом пот
и колется стерня,
но мама за день выдает
четыре трудодня.

Тяну за ниточку клубок —
воспоминаний след.
Летает памяти челнок
по глади трудных лет.

Тобою, Родина, сильна.
Мне повезло в судьбе.
Я крепкой ниточкой из льна
привязана к тебе.

Терпсихора — муза танца —
подарила мне движенья...
В каждом жесте — жизни тайна
и порыв самосожженья!

Будто ветка ивы гибкой,
я твоим покорна взглядам.
Для двоих — играют скрипки
и поют все птицы сада...

Как текучих дней живица,
в танце я неповторима.
Я — раба, но я и жрица.
Женщина — в веках мне имя.

Сколько ниточке ни виться,
тает дней моих клубок.
Хороша в руке синица,
в небесах — журавль далек.

Сколько платьев износила,
ни одно не позабыть.
А душа лишь попросила
детства розовую нить.

Сколько туфель истоптала,
под собой не чуя ног.
А душа босой осталась,
обогнав меня чуток.

На судьбу пенять негоже:
не затмила ночь мой путь.
Старше я, душа — моложе,
разберемся как-нибудь.

Журавли

119094-1

Стоят стога, задумчивы и строги.
Темнеет лес... Река тиха.
И травы вновь проклюнулись,
как строки
осеннего прозрачного стиха.
Земля моя, ты вся еще согрета
вчерашним солнцем, песнями ребят.
А журавли уже уносят лето,
прощально в синеве небес трубят.
Трубят над ширью неоглядной...
Я эту песню знаю наизусть,
но с каждой новой осенью —
понятней
высокой журавлиной песни грусть.

...

Поздняя осень —
старая дева,
вяжет из сумерек
синий чулок...
Слезы роняет,
ждет и надеется:
явится суженый —
день недалек.
Снег запоздалый

Читальный зал

нагрянет под вечер,
попросит он крова
озябшей душе.
“А я уж не чаяла, —
дева ответит,
но дверь не откроет, —
час поздний уже...”

Решето небес
сеет, сеет снег...
Будто в белом сне —
быстрой речки бег.
Не видать дорог,
в зимней дреме лес.
На высок порог
только вьюги плеск.
Путь к весне далек:
дом в сугробы врос.
Над трубой дымок,
как судьбы вопрос.

Рябина, с морозца —
терпкая,
проваливаюсь в снегу...
Ключ от счастья
утерянный
ищу, как иголку в стогу.
Иду — глухая,
как тетерев,

блуждаю, как тень,
 в трех соснах.
Рябина, с морозца —
 терпкая,
сладко горчит
 на губах...

Белым-бело... Текут снега
с небес на землю век от века.
Витает мальчик в облаках:
земного — мало человеку.

И понимают ч у д а к а
деревья в белом облаченье.
Река времен так глубока,
легко ли плыть против течения?

Текут снега, как письма
с неведомой еще планеты...
Их первыми прочтут п о э т ы:
я верю в эти времена.

Белое безмолвие

Спеленала меня тишина,
я без боя сдаюсь ей на милость.
Будто время остановилось:
я на грани яви и сна...

Побежденная, но не раба,
я в плену у соснового бора.

Лет моих золотая арба
норовит соскользнуть с косогора.

Что судьбы колесо — на краю,
утаю от случайного взора.
Видно, чует погибель мою
на белейшем снегу черный ворон.

Морозный дух зимы люблю!
Люблю играть в снежки...
Я, как пельмени, их леплю,
леплю, как пирожки.

И, сутью дружбы дорожа,
прицеливаюсь не спеша.
В душе — обиды не коплю:
прощаю, мучаюсь, люблю...

Семь бед — один ответ,
я молода, и в том секрет.
Я знаю, если захочу,
снежок ответный получу!

Во тьме быть зрячей — жизни кредо,
так видит в лоне матери дитя.
Вхожу на ощупь в суть предмета,
как входят в тему бытия.

Рассвет зимой подобен ночи,
но знаю я — “печаль моя светла”.

Фонарь на жердь взлетел, как кочет,
и свет коснулся моего чела.

Из тьмы крошечной прорастает день,
сливаюсь с ним, предвидя лето...
Зазеленел судьбы моей плетень,
пошли, январь, мне испытанье светом!

Живу я в мире точных чисел
и верю в линию с у д ь б ы.
В разладе с сердцем разум чистый:
ни дня без суетной борьбы.
Спешу я в мир добра и зла,
в пространство тьмы,
теней и света.

Соблазнам жизни несть числа,
они сжигают плоть бесследно.
Но есть судьба высоких чувств,
их должно переплавить

в С л о в о!

В плавильне мастерству учусь,
с азов — жизнь постигая

снова...

Слово

Согласие, союз, единство...
Перебираю четки слов
в поисках единственного.
Договор, альянс, помолвка...
Ищу слово для заголовка.
Соглашение, соучастие... что еще?

Холодно. Теплее. Горячо!
Выхватываю, выкатываю,
как картофелину из костра,
почерневшее от времени,
покрытое пеплом,
но горячее внутри —
с л о в о...
Сдуваю пепел.

Бессонница

О ночь моя — печальная юдоль,
гляжусь в твои кривые зеркала.
Ты искажаешь суть мою, уволь,
я от тебя иного не ждала.
Я в зеркала кривые насмотрюсь,
чтоб знать, какую век не стану.
В угоду дню от сна я откажусь,
но для посева горсточку семян
достану...
О ночь моя, светлей ста солнц, черна
над бороздами свежих строк:
исписан лист и вдоль и поперек,
готова пашня для зерна.
У лести много добровольных слуг,
и правит ложь, ее порочен трон!
Ночь праведнее дня, ее не тронь.
Пиши, перо мое. Паши мой плуг!

Слова слепые, как щенки,
к бумаге льнут доверчиво.
Люблю стихов черновики:
в них нет и тени вечного.

Слепцы прозреют точно в срок,
и запоет душа-соловушка!
Сокрыта т а й н а в черни строк,
среди туч светлее солнышко.
А кляксы, будто маяки,
укажут путь единственный.
От перечеркнутой строки —
один лишь шаг до и с т и н ы.

*"Запиши словечко..."**

Догорает свечка:
— Запиши словечко...
К нему — другое:
вышли в путь двое.
Речь завели —
цветы зацвели.
Разговор заимели —
птицы запели.
В беседе хорошей —
дорога короче.
Слово за слово —
живи засветло...
К слову — словцо:
полно гнездо птенцов.
Речка волны катит —
всем места хватит.
Жизнь прожить —
не поле перейти:
век позади —
век впереди.

* Просьба Владимира Даля к дочери, его последние перед смертью слова.

Смысл жизни прост:
передний —
 заднему мост.
Догорает свечка —
светится словечко...

Мне парусник в который раз уж снится —
что значит он в судьбе моей?
Томов фантастики милей
мне Д а л я ветхие страницы.

На океанской глади словарей
люблю отыскивать слова...
Им нелегко срывать с якорей,
ветрило века ощутив едва.

Любуюсь и н о х о д ь ю лет
и первым, робким шагом внука.
Ценю значенья малых лепт,
входя в р о д н у ю р е ч ь
без стука...

Не обучена фотоискусству:
растворяется в вечности миг.
Но в строке — то веселой,
 то грустной
открываю я заново м и р...
Глаз внимательный, чудо-камера,
доверяю тебе я вполне.
От Камчатки до Севера Крайнего
полстраны переснято во мне.

и путь к ним один — пешком.
А ветер все крепче, сильнее и злей,
тридцать, сорок... метров в секунду.

Вьюга, подобная стае зверей,
мчится по мерзлomu грунту:
кусает морозом, сбивает с ног,
удары точны, без промашки.
То ближе, то дальше — светит окно,
где помощи ждут нашей.

3

Сияний северных волна
по самой кромке неба...
А на моем окне — весна:
в стакане ветка вербы.
Казалась ветреной судьба
в краю зимы пустынном.
Убрала челку я со лба,
и — корешки пустила.
И прижилась на мерзлоте,
и подружилась с тундрой,
и родила двоих детей,
и было мне, как вербе, трудно.
Спешили к югу поезда,
оттаивала Ваенга...
Я возвращаюсь в те года:
— Пришлите срочно валенки!

Затоплярье

Воробьиного лета короткий разбег,
серебрится ягель у трапа...
Солнце низкое смотрит с небес,
манит в тундру морошковый запах.

Валуны, как тюлени, греют бока,
дремлют карликовые березки.
По глади залива плывут облака,
я люблюсь пейзажем неброским.

Крайний Север характером крут,
но бывает и щедрой природа,
когда серые камни — цветут,
спутав все времена года!

Киж

*“Церковь эту построил мастер Нестор.
Не было, нет и не будет такой...”*

(Из легенды)

Застыли дали в удивленье,
и небеса вдруг стали ближе...
Взметнулась церковь — рук творенье,
на островке зеленом К и ж и.

Как будто двадцать две сестрицы*
остановились на пригорке.
Светлы их помыслы и лица
в трудах от зорьки и до зорьки.

Не налюбуется О н е г о:
какая стать, краса девичья...
И я прошу: — Восславь, о небо,
труда свободного — величье!

Замру у Кижского погоста:
к нему идут и едут люди...
И шепчет, шепчет Н е с т о р

звездам:

“...такой не было, нет и не будет!”

* 22-главая Преображенская церковь, 1714 г.

Вид на Валаам

*“Богоизбранная обитель!
Пречудный остров Валаам...”*

Петр Михайлов, 19 век

Я окунулась в тишину...
Змеились корни под ногами:
им не пробиться в глубину —
сплошной гранит на Валааме.

В котомках из родимых мест
везли землю богомольцы.
И зацвели сады окрест,
и лес поднялся у околицы.

Глядел с холма Никольский скит
в своем святом уединении...
Плавающий кран, стрелою в синь,
соединил века во времени.

Тянулся взгляд мой к куполам,
вдали виднеющимся с берега.
Увидела впервые — В а л а а м
воочию, а не с картины Рериха.

В отпуске

Мой день зашифрован в таинственный
плод.

Сорвет его тот, счастливый,
кто по зеленым баштанам пройдет
с корзинкой из прутьев ивы...

Ты близок к разгадке, читатель, я жду.
Отведай плоды в корзине...

Мой день непутевый тает во рту
медовым кусочком дыни.

Мой день зарифмован в песнях цикад,
и, может быть, ты, везучий,
ключик найдешь от бродячих рулад,
в чем-то тебе созвучных.

Юста

Пальмы, как лопухи, у забора...
Вся в белых цветах

магнолия.

Дремлют вечнозеленые горы
у синего лукоморья...

Будто шпили

готических храмов,

кипарисы в соседстве

с небом!

Стих мой, г р а м о т о й

стань о х р а н н о й

к р а с о т ы...

Без нее — как без

хлеба.

Рисунки на асфальте

Город нарисован на асфальте
детской неумелою рукой.

Лик его улыбочивый без фальши
и характер узнаю — морской.

Не окончен спор волны и ветра,
мирный флот в рисунках у ребят.

Рыбный порт хлопочет
в робе светлой,
стрелы кранов с солнцем говорят!
Стайка чаек оживляет берег,
сходит с лодки царь морей Нептун,
проплывает рядом лебедь белый,
на асфальте — след ребячьих дум.
Домик с красной черепичной крышей,
с яблоней, цветущей под окном,
окружили зданья, ростом выше...
Телевышка светит огоньком.
“Мать-Россия” здесь же на асфальте
на рисунке детском ожила:
женщина седая, в черном платье,
над могилой братской замерла.
Каждый двор и каждое окошко
разделяли боль ее тревог...
К ней тянулась детская ладошка,
как весенний праздничный флажок.

Воскресший из пепла

(Жрицких)

1

Судеб сливаются линии,
чтоб в земле проросло зерно.
Отшумели черные ливни
над твоими фортами давно.
Я — с улицы Чаадаева,
мечтаю постигнуть Канта,
а ребята играют в “Пацаева”,
продолжая полет космонавта.
Гудят корабли. В трех твоих портах
перекликаются океаны...

и город птичьим криком
стряхнет забытый сон.
Мальчишек стайка ранняя
влетит в картину дня,
напомнив про “К у п а н и е
к р а с н о г о к о н я”.

3

Все тише звуки площадей,
стекает тишина с окраин.
И звон последнего трамвая
слетает в сладкий сон детей.
Цветов полночных аромат
от сора очищает душу...
Люблю ночной Калининград,
его покой я не нарушу.
На ветке птицу не спугну,
свечу каштана дорисую.
Войду неслышно в тишину,
вгляжусь в тревожную,
живую...

Увижу рядом, в полумгле,
у самой западной границы,
знакомый облик кораблей.
...Им, как и мне,
в ночи не спится.

Песня о Балтийске

Ты волнами умыт и дождями,
ветры кружат со всех сторон.
Прямо в море шагнул домами
самый западный гарнизон.

Город мой — корабль у причала,
каждый шорох взрывает сон...

Вся страна у тебя за плечами,
самый западный гарнизон.

Здесь разлуки живут без прописки
рядом с верностью, верою жен...
Здесь прописаны обелиски —
от России им низкий поклон.

Ну а если случится такое,
почернеет от бурь горизонт.
Ты Отчизну прикроешь собою,
самый западный гарнизон.

Дорога на Светлогорск

Мне поздно менять привычки:
люблю я летний сезон...
Зеленый вагон электрички
несет меня за горизонт.
Оставив дела и заботы
и долгие споры с собой,
сойду я на берег под своды
летающей волны голубой.
Земные утрачены гены!
В стихии морской растворюсь,
явлюсь Афродитой из пены,
в одежды свои облачусь...
С блаженной улыбкой обманной
поверю, что смерти нет.
Найду у себя в кармане —
“туда и обратно”
билет!

В Москве

1

“Улица В е ш н и х в о д” —
не поверила, переспросила...
Будто по океану вброд
иду через всю Россию.
Иду по зимам ее,
утопаю в снегах и мерзну.
Я верю, тот день недалек:
во мне прорастут все весны!
...В разливе Советская Русь,
прорвало застоя плотину!
На сердце и радость, и грусть:
как дорого мы заплатили
за хлеба блокадный кусок,
за святость чувства высокого,
за праведной мысли росток,
за песни Володи Высоцкого...
Свобода в привычку войдет,
в дела и помыслы века.
“Улица В е ш н и х в о д” —
времени добрая вежа!

2

Я постою у стен Кремля,
по древней площади
мой путь продлится...
В кровинку каждую
войдет столица,
подступит к сердцу
вся Земля.
И станет каждый день
весомей,
светлее взгляд
и тверже шаг.

Пойму себя
в разлуке с домом,
когда весь м и р
вместит душа.

1987 г.

Апрель

Я каждый год больна апрелем,
томится ожиданьем дух...
Всю зиму длился мой недуг
до первой соловьиной трели.
В ночной сорочке, будто в рясе,
перед свечой шепчу я стих.
Я прозреваю в одночасье
среди черемух луговых.
Освобождаюсь от томленья,
приемлю солнце, слякоть, дожди!
Вся хворь моя ушла в растения,
в растерянность, в бессонниц дрожь.
Я исцеляюсь светом слова,
скрывать мне это не резон...
Я обрела покой и сон —
до новых мук, смятений новых.

Затоplen луг до перелеска,
и лодку паводком снесло...
Но ждет ее, внимая плеску,
в траве забытое весло.

Апрельский лес полупрозрачен,
восходят к солнцу дерева:

в них майский след уже означен,
идет в е с н ы девятый вал!

Идет он в диком буйстве красок...
В лугах — черемух перезвон,
и длинный день весенний — краток.
Да будет он в душе продлен!

Плывут над морем облака,
цветущие сады напоминая,
означив день четвертый мая
черемуховым дуновеньем ветерка.
Повеяло прохладой с моря
и хлынул воздух северных широт!
С природой бесполезно спорить,
когда черемуха цветет...
Все чаще я ценю смиренье,
мне грез утраченных не жаль.
Но знаю я — соблазна жар
таится в пламени сирени!

Сирень

Цветет сирень, и сад благоухает,
и воздух ароматом напоен.
Блаженный Врубель
красоте внимает,
он пламенем ее дотла сожжен
и к жизни новой воскрешен,
как Феникс.
Достоин кисти вешний сад!
Что вечность? Веточка сирени,

иль озаренный светом
взгляд?

Четыре лепестка — цветок-смиренье,
невзрачен он и неказист на вид.
Прекрасен в общем он цветенье,
когда весь куст огнем горит...
Сирени синее свечение —
трепещет каждый лепесток,
даруя истинный восторг,
не ведая о смысле и значенье.

О нем, я знаю, говорят:
железные у парня нервы!
А у него холодный взгляд
от внутреннего перегрева.
О нем твердят: неуязвим...
Кольчугой прикрывает сердце.
А он сгорает от любви
к своей веселой сверстнице.
От всех и вся он прячет душу,
его порыв порой нелеп!
...Так дерево, корой наружу,
скрывает сердцевины н е р в.

Дайте женщине сад

Женщине нужен дом
и — небо над головой.
Как кораблю — док
рядом с волной гулевой.
Музыки тихий звук
затеplit в ночи окно.

* * *

В глубь бессонниц проростаю
в ожидании рассвета...
Птицу счастья окликаю —
ни ответа, ни привета.
Август — свет, мой собеседник,
я в садах твоих прозрею.
Напишу свой стих последний,
парусом взметну на рею!
Мне не надо громкой славы,
мне не надо ложной лести.
Дайте сладкой мне отравы —
н е ж н о с т и
нательный крестик.

* * *

Девиз веков: любите ближнего,
лечите язвы и коросту...
Глоток воды в пустыне выжженной
отдайте вору и прохвосту.

Правдивы заповеди книжные,
но учит правде — жизнь земная,
что зелен плод, заранее зная,
набив оскомину, любите ближнего.

* * *

Не разгладить ткань стиха,
бесконечны складки, сборки...
Звонок день, а ночь — тиха,
сладок сон полыни горькой.

Проступает между строк,
между сборок, между складок
тот особенный порядок,
что не терпит лжи и склок,
что гармонией зовется...
Ей под стать любой узор,
но немногим удается —
выткать с в е т

вечерних зорь.

Лишь немногим по плечу
тайна ткачества батиста...
Всею жизнью я плачу
за лоскутья старых истин.

Романс

Спасибо, сон, за невесомость ноши,
за непредсказанный судьбой сюжет...
За песнь любви, за благо ночи,
за черный фрак и белизну манжет.

Спасибо, ночь, за дар воображенья,
за трепет сердца и высокий слог.
За тайный жар и речи откровенье,
за недосказанность горячих слов.

Спасибо, тьма, за блажь и наважденье,
как высоко летаем мы во сне...
Спасибо, жизнь, за взлеты и паденья,
за явь и сон, дарованные мне.

Как пахнут травы скошенного луга
у стен прозрачных мироздания...

Луна, горбатая с клюкой старуха,
идет по облаку и просит подаянья.

Ей реки дарят серебро,
луга — настой цветов и трав.
Земля исправно платит ей оброк
с железных крыш

и трепетных дубрав.

Собрав дары,

ложится спать колдунья,
созвездье Гончих Псов хранит ее покой...

Путем всея Земли иду я —
и рядом тень моя стучит клюкой.

Путем всея земли

(Венок вольных сонетов)

1

Во времени я замедляю шаг,
свой совершая путь вокруг солнца.
Текущим днем больна моя душа:
коль тонет судно, кто спасется?

Уводит в глубь веков пространство,
и манит в занебесье птичий грай...
О, дай мне силы, Муза странствий,
меня за дерзость мысли не карай,

под дудочку мою пляши!
Далек ли путь, завещанный от Бога,
в грядущее иль в “никуда” — дорога?

Когда луна взойдет в тиши,
я, повинуюсь воле рока,
спускаюсь в тайники души.

2

Спускаюсь в тайники души,
со мною поводырь мой — память.
Читатель-друг, по полкам разложи
все тайны — те, что за семью замками.

“Врагов народа” хоронили без могил,
глубокий ров — последняя обитель.
К позорной смерти их приговорил
мечтавший о бессмертии правитель.

Собрав всю правду по крупицам,
о них поведал миру Солженицын,
увекочив именем “Архипелаг ГУЛАГ”.

Я с ними не спешу проститься,
в грядущее свой устремляя зрак,
где жар пустынь, пещерный мрак.

3

Где жар пустынь, пещерный мрак —
непредсказуема дорога.
И дорог взгляду всякий знак
истории, спешу к ее истокам...

Песчинка на дороге — человек.
Бесследно он не исчезает,
он жернова времен из века в век
кровинкой каждой осязает.

В себя вбирает все окрест,
несет, как ни тяжел, свой крест
до той, отмеченной межи,

где васильки цветут во ржи...
Мне голос слышится: “Христос воскрес!”
Видений смутных миражи.

Видений смутных миражи
тревожат сон, туманят разум.
Россию — не окинуть глазом,
я верую в бессмертие души!

Отчизна — как Христос распятый,
кровавые сочатся раны...
В семнадцатом и в сорок пятом
ты на щите, в шинели рваной.

Уверовав в свое предназначенье,
в новорожденное дитя вселила веру,
придав рожденью моему значенье...

Песчинка с колеса кочующих племен,
кричу от света я, спеленутая ветром.
Я окунаюсь в марево времен.

Я окунаюсь в марево времен,
уносит сон в средневековье...
Табун коней. Реки верховье.
Дыханием степей мой дух силен!

Я поклоняюсь Солнцу и Дождю,
седлать коня приучена я с детства.
Мой дед оставит мне в наследство —
культ поклонения В о ж д ю...

С дождем он в кровь мою войдет,
монархов всех переживет,
и станет достояньем мифов.

О Сталине потомок мой прочтет.
Двадцатый век свой завершает счет...
Передо мной — гробницы скифов.

Передо мной — гробницы скифов.
 О, сколько тайн хранят погосты!
 Мила мне ветреность Калифа:
 мы на земле обетованной — гости.

Очерчен на столе от лампы круг,
 листаю пожелтевшие страницы.
 Уж за полночь, слипаются ресницы,
 все тише, тише сердца стук.

Истлели черепа в веках
 тех, кто в могилах погребен.
 Кто умер, кто в кострах сожжен.

Кто виноват из них, кто прав?
 Священный почитаем прах.
 Не сохранили времена имен.

Не сохранили времена имен
 сородичей моих безвестных.
 Мой дальний предок был умен
 и зряч в делах сердечных.

Умел любить до гробовой доски,
 умел гулять напропалую...
 Мог сгинуть в одночасье от тоски,
 стянув на шее петлю роковую.

Пути Господни неисповедимы:
 не просто так зовемся все людьми мы,
 и нам привычен вечный труд Сизифа.

Цена трудов нам не важна,
 забыты многих имена...
 Рождаются и умирают мифы.

Рождаются и умирают мифы.
 Бессмертны подвиги Геракла.
 Над Прометеем кружат грифы,
 пророчат гибель нам оракулы.

Развенчан миф о коммунизме,
 и застыл свет нам — мертвых тени.
 Мы на пороге вандализма,
 как шатки под ногой ступени.

В единоборстве лук и лира...
 Не сотвори себе кумира
 ни из раба, ни из тирана,

ни из опального поэта —
 огонь таится в пепле Этны.
 Я счет веду от безымянных.

Я счет веду от безымянных,
 от тех, что именем еще не нарекли.
 Они чисты, как церковь на Нерли,
 новорожденные Марины, Анны,

Борисы, Глебы, Александры...
 Для вас пишу я свой сонет.
 В нем полевых цветов букет
 и терпкий запах олеандра.

Путь к истине да будет прост:
 в букете спрятаны шипы от роз,
 чтоб вы выросли на нашей боли,

над рабством встали в полный рост
 и радостью смогли засеять поле.
 Вам — корабли вести до звезд.

Вам корабли вести до звезд,
над облаками гордо рея...
Вам сеять гречку и овес
в космических оранжереях.

Я гляну ввысь из-под руки,
смахну горячую слезинку:
не птиц увижу косяки,
а быстрый звездолет с картинки.

Уходит лайнер в синеву,
я днем сегодняшним живу.
Из космоса над бездной мост!

В моей котомке хлеб насущный,
и я спешу к небесным кущам,
не замечая длинных верст.

11

Не замечая длинных верст,
я суть вещей и истин постигаю.
Служа другим, я как свеча сгораю.
Стекает, застывая, воск...

В нем пламя страсти, жар соблазна,
речей и отречений слиток.
Невыносима жизнь, и все ж — прекрасна!
О ней моих сонетов свиток.

Вонзались в сердце стрелы зла,
я боль Отечества в себе несла,
свои не помня раны.

Я потеряла счет ночам и дням,
и привела дорога в Храм...
За грех людской молюсь я покаянно.

За грех людской молюсь я покаянно,
да не прольется в войнах кровь!
Вкусив запретный плод познания,
из всех грехов — боготворю любовь.

Ей на земле и править, и рядить,
и потакать любому зелью.
Мой друг, спустись с небес на землю,
чтоб древо у дороги посадить

для птицы, человека, муравья...
С устройством тайным бытия,
ты сохрани планету голубую!

О ней поет лесной ручей.
Вникаю в суть его речей,
слов не бросая всеу.

Слов не бросая всеу,
беседуют деревья в свете дня.
Я, как колоду карт тасуя,
цветов перебираю имена.

Ромашка, клевер, василек
и друг мой верный подорожник.
Побуду с вами я часок:
без отдыха в пути негоже.

И хоть легка я на подъем,
в пути надежнее вдвоем —
вот повод для раздумья.

На смену дням приходят ночи,
и с каждым часом дни короче...
Путем всея Земли иду я.

Путем всея Земли иду я,
 все шире предо мною окоем.
 Погоды с моря уж давно не жду я,
 не защищен от бурь мой дом.

Во мне — моря и океаны,
 и все приливы и отливы.
 Во мне все города и страны,
 несчастных боль и смех счастливых.

Умерших и убитых тени,
 во мне — судеб переплетенье.
 Над пламенем свечи — скрещенье шпаг.

О помощи слепцу, сонет,
 внутри себя увидеть свет!
 Во времени я замедляю шаг.

Во времени я замедляю шаг,
 спускаюсь в тайники души,
 где жар пустынь, пещерный мрак,
 видений смутных миражи.

Я окунаюсь в марево времен,
 передо мной гробницы скифов.
 Не сохранили времена имен.
 Рождаются и умирают мифы.

Я счет веду от безымянных,
 вам — корабли вести до звезд!
 Не замечая длинных верст,

Памяти Анны Ахматовой

Твоя последняя обитель*
среди старых сосен и берез.
Прости, коль век тебя обидел,
не поминай вчерашних слез.

Ты благ у жизни не молила,
в немилости несла свой крест.
Ах, рано ноченька сманила
тебя в осенний грустный лес.

Ковер из хвои под ногами,
поселок дачный где-то близ...
И слышится мне в птичьей гаме:
неотвратимы смерть и жизнь.

Склоняю голову в безмолвье,
погост не место для утех.
Цветы живые в изголовье —
искупленный народом грех.

Сжигают листья... Над поляной
воспоминаний горьких дым.
Я окликаю время: А н н а!
Бег времени неумолим...

* Могила Ахматовой в пос. Комарово, дачном пригороде Санкт-Петербурга.

Из горской тетради

Весной обязана Кавказу...
В долинах гор цветут сады.
И предстают невольно глазу
вершин нетающие льды.

Парит орел под облаками,
купаясь в волнах синевы.
И водопада белый пламень
горит среди зелени листвы.

Ютится сакля у подножья,
невдалеке табун коней...
Загадкой бытия тревожат:
вершины блеск и свет в окне.

Домик Лермонтова в Пятигорске

Ступила на крыльцо “о двух ступенях”,
рукой коснулась ставенки окна...
Дверь распахнулась прямо в сени,
и стала вся прихожая видна.
Сундук дорожный отслужил свой срок.
В буфетной — самовар походный
и металлический поднос,
еще пригодный...
Как низок деревянный потолок!
...Любил он столик вынести на терраску,
точил перо и брал бумаги лист.
И в тот же миг —
мир превращался в сказку,
где сон и явь переплелись...
Две акварели сохранились —
его судьбы бесценный дар.

Во мне века соединились:
и мудрый клен* шумит, как встарь.
А рядом с кленом
шелестит дубок —
бессмертна жизни
молодая мудрость...
И движется людской поток;
день — к вечеру, а кажется мне —
у т р о.

Свеча Пастернака

Средь ночи, вселенского мрака,
под сводами Храма души,
все ярче горит
с в е ч а Пастернака,
и время не в силах ее потушить.
Светлей от нее и в дому
и в округе,
и в мире светлее чуть-чуть...
Не смогут ее ни бураны, ни вьюги
в ладонях грядущего века задуть.
Спасут на ветру ее пламя,
взяв огонь на себя — снегири.
И вспыхнут рябины сквозь заметь
рассветной полоской зари.
Блеснув опереньем, петух прокричит,
и сыграет пастух на дудке...
Свет в ромашке
и в незабудке —
негасимое пламя свечи!

* Легенда гласит, что клен посажен М. Ю. Лермонтовым.

* * *

Мой взгляд, исполненный печали,
подобен был закатному лучу.
Я зябко повела плечами —
и показалось мне, что я лечу!

Лететь мне вовсе не хотелось,
был так привычен мой уклад:
земная благодать питала тело,
но дух сильнее был стократ!

Он рвался ввысь, как змей бумажный,
и я вдруг отпустила нить...
Печаль узнала я однажды —
и жажды мне не утолить.

* * *

*Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заняты.*

М. Цветаева

Два человека могут розно жить,
но души их — судьба узлом связала,
его ни развязать, ни разрубить...
Духовное — прочней металла.
Сей сплав космический — загадка,
таблицу Менделеева продлит ли кто?
Растенья душ из звездного порядка,
плоды их пробуйте лет через сто!
Они нетленны. Вечности секрет
разгадывают наши дети в школе...
К Серебряному веку подбирают колер.
Уходят лучшие. Им имя — С в е т!
Они уходят от погонь и от разлук,
их в этой жизни — путь недолог...

Но души отдают они на круг,
избрав на жительство небесный полог.
О, все возможно в мире сем:
размолвиться, расстаться,
разлучиться
иль крюк найти...

Взлететь над вороньем!
В последний раз идущим —

поклониться.

9 октября 1992 г.

Жудожник

Памяти Музы Егоровой (Троицкой)

Она жила среди картин,
в безденежье своем — не унывала.
Боярыню Морозову напоминала
на фоне стареньких гардин.

Усохшей плоти естество
таило жар души неистойвой!
Давно ль была я в мастерской
с окошком в мир единственным?

Известие о смерти потрясло:
угасла на ветру лампадка,
белесая на лбу потухла прядка...
Бессмертно — духа ремесло!

* * *

Слышишь, море говорит стихами,
их читают волны нараспев:
то гремя басами, то стихая,
рассказать о чем-то не успеv.

Может быть, о дальних странах,
с синей цепью недоступных гор.
Может быть, о людях странных,
что уходят в море до сих пор...

Может быть, о тех, кто не вернулся,
выполняя свой последний долг...
Голос моря дум моих коснулся
и опять нечаянно умолк.

Дорогой чаек

Ты вновь уходишь в океан,
на свет звезды, дорогой чаек...
Все повторяется сначала:
причал, корабль, скитальца сан.

Увидев землю с корабля,
ты мне махнешь перед отплытьем,
и дней отсчет начнешь с нуля,
на миг уверовав в открытье,

что лишь тебе дано соединить
зеленый лист с цветком медузы!
Большая честь — в моря ходить
во имя этого союза.

Мне не расслышать слов твоих,
кричу тебе я: “До свиданья!”
Вся жизнь — один счастливый миг
от встречи первой до прощанья.

Жена моряка

Мне имя твое пестовать,
пока уста не устанут...
Мне без тебя бедствовать
на земле, как во вражьем стане.

Четки дней по ночам отсчитывать
в древнем храме разлуки.
Твои письма до дыр зачитывать,
слыша голос твой в каждом звуке.

Тебя из плена выманивать,
став заложницей города...
У моря встречу вымаливать,
перед ним лишь склоняя голову.

Тонел

Шторм выбросил к ногам моим янтарь,
кусочек солнца, обрамленный тиной.
Потерла о рукав его, как встарь,
и робко замерла перед картиной...

Под патиной затеплилась заря,
в меня переливаясь тихим светом.
И сила колдовская янтаря
перенесла меня к истокам Леты.

Дивясь своей невиданной отваге,
я приоткрыла дверцу бытия:
донес мне муравей в янтарном
саркофаге
всю азбуку времен, от "А" до "Я".

Вставало сине море на дыбы,
ворочая валы тысячелетий,
сосредоточив взор свой на предмете,
что мне достался волею судьбы.

Ладонью море зачерпну —
сквозь пальцы просочится влага.
Я день ненастный зачеркну
для общего, быть может, блага.

Я вспомню лето, дождь и слякоть,
волной изъеденный песок...
И облака, умеющие плакать —
плывущие куда-то на восток.

Перечеркну я морось и ненастье
и вычту этот день из суммы лет.
Узнаю позже: был он каплей счастья
в преддверии грядущих зол и бед.

Нашла я камушек морской — точь-в-точь
перепелиное яичко...
Хотела я ему помочь:
согреть в ладошке по привычке.
Зачем, сама не знала,
я гольша стремилась приручить
и от волны высокой защитить,
что на пути его вставала...
Крутой волне подставив бок,
он снова выпал из гнезда.

Слепой окатыш, колобок —
катился сам, не ведая куда.
Стараясь сохранить свободу,
остался верен он себе,
скользнув с ладошки теплой

зародыши м и р о в

в воду,

скрывая в скорлупе.

Я восславлю утро,
соловьям вослед.
Утицей премудрой —
окунусь в рассвет.

Выйду из купели —
синий полдень тих.
Чтобы камни пели —
разбужу я их!

Дальних предков голос
сквозь века услышу,
и знакомый говор
станет сердцу ближе.

Обнимусь с веками,
повинуясь зову...
Подниму я камень —
обернется с л о в о м.

Сходящее на берег

Соната м о р я не для скрипок,
для органа!
Не каждому сыграть ее дано...
Почувствовать дыханье океана

способно сердце любящее, но —
не торопитесь с корабля на бал,
в порядок приведите снасти,
пока вас не накрыл девятый вал
земной, неутолимой страсти...
Дослушайте сонату до конца,
очистите от сора душу,
и лишь потом, ступив на сушу,
пройдите путь: от трапа

до крыльца.

И не ищите второпах букета:
т р и д р е в н и х с л о в а —
лучше не сыскать!
Для той, которая умеет ждать,
лучась, как астра на исходе лета.

Весенняя фантазия

Нерабочий день субботний,
возвращенье корабля,
поцелуй на шатких сходнях,
море, сосны, ты и я.

Свист, сюсюканье и трели —
объяснения в любви.
Средь черемух дремлют ели,
будто храмы на крови.

Песнь моя звучит за сценой:
на подмостках — короли!
Провожая в путь я пеньем
на край света корабли.

Пробуждаю песней детство
и пою про сто дорог.

Вижу я на сцене — действо,
в главной роли — осьминог.

Он мою не слышит песню,
у него своя стезя...
Обо мне узнает, если
вымолвит по-царски: “Лъзя.”

И советницей назначит,
и дарами ублажит.
Но душа моя заплачет
и в просцениум сбежит.

От молочных сладких речек
и кисельных берегов...
Мне ее утешить нечем:
с ч а с т ь е — пара пустяков!

В хрупкой, маленькой ракушке
скрыта тайна бытия.
Песнь в два слова — у кукушки,
и без слов — у соловья.

Домик рыбака

(поэма)

“В Куршском заливе несколько льдин с рыбаками оказались оторванными от берега. Многих не удалось спасти...”

*Из газеты “Калининградская правда”
от 18 марта 1994 года*

1

К заливу жметя Домик рыбака,
с окном-проталинкой на юг...
Мой весь улов — одна строка —
рыбешкой выпала из рук.
Не сваришь из нее уши,
но утолишь духовный голод.
Одна строка, длиною в горе,
так начинаются стихи.
Так вырастают крылья за плечами,
и страха нет, хоть к черту на рога!
Мой весь улов — одна строка:
“У т о л и м о я п е ч а л и”.

2

Сходит снег, обнажая тропинки
со следами ушедшего лета...
Впечатаны смех и слезинки
в пространство замерзшего следа.
Оттаяло слово, движенье руки
и горестный блик улыбки.
Сходит с в е т,
как Евангелие от Луки,
отпуская грехи и прощая ошибки.
Обнажая причины трагедий:

их следствие — боль и утрату...
Крик чаек подобен набату,
маячит к о р а б л ь на рейде.

3

Стоит он на призрачной льдине,
два месяца гладь бороздит.
Брошен в жерло за день тот единый,
за тех, кого Бог да простит.
Всплывают: то там, то тут
рыбаков затонувших тела...
В палисадах сирень отцвела,
а их, надеясь на чудо, ждут!
Растаяла льдина, но рана
болит, не спешит заживать.
Тонет корабль без капитана,
об этом нельзя забывать!
Помянем мертвых, выпьем за них,
Бог забирает лучших.
Неслучаен — несчастный случай,
три автобуса* снова возят живых.
Да услышит имеющий уши
сегодня и завтра и через год —
тихий стон из скорбящих вод:
“Тонут не в море — на суше...”

4

Отец и сын на крошечном обломке,
крошится под ногами лед...
К ним лодка, кажется, плывет,
Уж слышен разговор негромкий,
и в лодке — негде яблоку упасть.
Но крик отца: “Спасите сына!” —

* Три автобуса с рыбаками от завода “Янтарь”.

услышан был. И мог отец к его
грудь припасть
в последний раз, в колючей стыни...
На недописанной картине
забрезжил свет луны среди туч
и вмиг погас.

Отец один теперь на льдине,
не прячет слез: он сына спас!
Его увидел утром вертолет.
(Прибило льдину к плавням.)
Он больше не кричал, не плакал —
птенца отправил он в полет.

5

Я полюбила бы залив
за кроткий нрав, смиренность и покой.
За кружево зеленых ив,
за узенькую стежку под ногой.
Я полюбила бы залив
за камыши и лодочную пристань.
Его уклад неприхотлив
в зеркале вечных истин...
Я полюбила бы залив,
я полюбила бы... К чему капризы?
Но тот корабль вдали —
не призрак,
и рядом друг. Он, к счастью, жив!

6

Разрушен мой воздушный замок,
у старой дюны я снимаю угол...
Я на песке рисую кукол
с большими, грустными глазами.
Они давным-давно здесь жили:
смолили лодки и чинили сети,
смеялись, плакали, грустили,

удачам радуясь, как дети...
Поют песчинки под ногами
мелодии восточных пруссов.
А море — повторяет гаммы,
бросая куклам я н т а р и
на бусы.

7

Над отчим домом тоненький дымок
вдруг проступил сквозь дымку моря.
Он рисовал по памяти, как мог:
жасмина куст и крынки на заборе.
Предстало близкое в далеком,
на берегу реки — село...
Чтобы понять, куда нас занесло,
мы возвращаемся к истокам.
“...и дым Отечества нам сладок
и приятен.”
Нам дарит море детства миражи.
На карте собственной души —
так много белых пятен.

8

Напрасно ищет око кого-нибудь,
обмолвиться словечком...
Волна свивается колечком,
мне преграждая путь,
шипит, змею напоминая,
обтачивает камешки искусно.
Пишу стихи, когда мне грустно,
любой волне и камешку внимая,
любому шороху песка,
движенью мысли, по волне скользящей...
Волна — грудь матери кормящей
с младенцем-Сыном у соска.

Лишает нас покоя капризное дитя,
 я линию прибоя — ловлю шутя...
 Она то ускользает,
 то ластится к рукам.
 Я кожей осязаю веселый шум и гам,
 всю гамму тьмы и света
 и все оттенки зла...
 Всю жизнь я ожидаю лета,
 и ждет душа — тепла.
 Обветрилось лицо. На плечи лег загар.
 Стянула волосы гребенка...
 В душе капризного ребенка...
 не остывает тайный жар.

Спрошу у дюны крутобедрой,
 как милого приворожить?
 Чтоб в непогоду был со мной
 и в ведро —
 мне без любимого не жить...
 В молчании застыла дюна,
 свой сарафан латая.
 “И я была когда-то юной,
 и я певала молодая.
 Да и любила я немало,
 не зная слаще плена...
 Когда дружок мой
 преклонял колена —
 я только башмачок снимала”.

Напрасны все мои усилия:
 друг ищет истину в вине...
 Он опалил в полете крылья

еще мальчишкой, на войне,
когда бежал из-под Варшавы
босым, голодным по стерне...
Дома горели, люди, травы —
все наяву и сотни раз во сне.
Рисует время акварели:
 то лес, то поле,
 то морской пейзаж, —
и две судьбы, две параллели...
Мы сдали их в один багаж,
и кочевали с ним по свету.
Сушили ягоды, грибы,
ломая линии с у д ь б ы,
пуская нажитое все по ветру...
Мы оказались вдруг на льдине
в один из мартовских

весенних дней.

Друг друга любим мы сильней,
когда в запасе — час

иль день — единый!

“В запасе — жизнь”, — почудился
мне голос.

Так, значит, снова спасена...

Одна строка, длиною в горе, —
“замена счастью — она”.

12

Друг друга волны догоняют,
смеясь и в то же время — плача.
Боль своя и боль чужая

переплелись, а как иначе?

Вся жизнь — один большой вопрос:
кто даст совет, что делать?

На фотоснимке шесть на девять —
не видно слез...

Тогда на лист бумаги чистой
я собираю числа.
Решения задач не сходятся с ответом:
мне т р и а в т о б у с а
покою не дают...
И тени рыбаков, которых ждут, —
становятся р а с с в е т о м.
Их скорбный стон все глуше, глуше:
“Спасите наши души!”

*9.06.1994 г., пос. Лесное,
турбаза “Дом рыбака”*

САД КАМНЕЙ

*Дальних предков голос сквозь века услышу,
и знакомый говор станет сердцу ближе.
Обнимусь с веками, повинуюсь зову...
Подниму я камень — обернется с л о в о м.*

* * *

Весна дождем вписалась в утро,
омыв дерев нагие ветви
для непутевых гроз и ветров —
в предвестье снов зеленокудых.

Март правит колесницей солнца,
лучей натянуты поводья...
И болен трезвый ум бессонницей,
и правит миром — половодье.

Презрев святое чувство меры,
из берегов выходят реки.
И, следуя дурным примерам,
предпочитаем Слову — речи.

Земля приемлет буйство всходов,
садов мятеж, пожар сирени...
И презираем мы смиренье,
бунтующей земле в угоду.

В истоках снов, под слоем грима
реки времен ищу я русло.
Учусь у трав — играть на гусях,
себя причислив к пилигримам.

Весеннее настроение

О, каждый знает свой шесток...
Кулик свое болото хвалит!
А я апрель восславлю, день шестой —
день шествия лесных ф и а л о к.

Из ближней рощи ходоки —
их продают на улицах весенних.
Я принимаю дар бесценный
из детской худенькой руки.
Цвет фиолетовый ее пленил
мечтой о мимолетном счастье.
Я замечаю след чернил
на рукаве, скрывающем запястье.
О, кто ты, дирижер оркестра:
примерный ученик иль хулиган?
Ты солнечного дня коснулся
спектра —
и зазвучал весны орган!

...

Звучит орган, и набирают силу звуки,
тревожа ум созвучием времен,
соединяя явь и сладкий сон —
и творчества святыи муки...
Звучит орган, дыша морским простором,
и отступает будней суета,
и правит бранным миром — красота
цветущих ландышей у косогора.
Звучит орган, и прозревает слово,
в грядущий век свой устремляя взгляд.
Поет птенец в бору сосновом,
озвучивая стих мой наугад!

Из цикла
“Воспоминания о цветах”

1

Корзина ландышей лесных

Все дальше годы от весны,
глядишь, зима не за горами...
Ворвись в мой дом, пройдя дворами
с корзиной ландышей лесных!
Хочу, чтоб вновь цветы благоухали
в твоих руках, как много лет назад,
видения и звуки оживали,
и взгляды — источали аромат.
Чтобы стояли ландыши
в стаканах, в банках...
И голос твой звучал: “Ты только верь!”
Все до одной — твои я помню байки
и так же слепо верю им теперь.
Не утолить воспоминаний голод,
с вершины лет — цветущий дол видней!
Не потому ль в осенний мрак и холод
светло звенят бубенчики тех дней?

2

Ромашки

Рисует художник одно и то же:
ромашки, ромашки... “среди шумного бала”.
Смотрю на холсты, и — мороз по коже,
ведь я на ромашках когда-то гадала!
Любит — не любит? — их вопрошала,
вытянув трубочкой пухлые губы...
Один за другим лепестки отрывала
ради крика предсмертного:
— Л ю б и т!

Рисует художник одно и то же:
ромашки, ромашки... живые, белые!
Врачуя их раны кисточкой беличьей,
лепесток к лепестку. Помоги ему, Боже!

3

Цветет рябина в вешних ветрах,
дурнушка в зарослях сирени:
зеленовато-серые цветы на ветках
в своей невзрачности — смиренны.

Ты на нее едва ли глянешь —
с черемухой-красавицей в соседстве.
Но знахарь-время в приворотном
средстве
готовит для нее нетленный глянец.

Колдует, смешивая краски,
и медлит, т а и н с т в о свершая.
Рябина — девочка из сказки,
из платьев выросла душа ее.

Уже в саду гуляет ветер,
и лето повернуло к осени...
Рябина, женщина в расцвете,
невзрачные одежды сбросила!

Обнажена, свежа. С зарею схожа,
в движениях и страсть и нега!
Остановился. Замер перед ней прохожий.
Весной пахнуло. Опалило снегом!

*Встреча**О. Павловскому*

Средь пышных георгинов, гладиолусов,
 что осень мне дарила от души,
 я взгляд твой встретила
 и потянулась к голосу,
 что, приближаясь, рокотал в тиши...
 Вбирал он глаз прищуренных доверье
 и страсть бесовскую седин.
 Так гостюжданному распахидают двери
 в минуты бед и радостных годин.
 Друг протянул мне крохотный букет;
 — Возьми. Тебе. Душистый,
 кажется, г о р о ш е к!
 Открою вам один секрет —
 сердца людей с цветами схожи.
 Неповторимый трепет лепестков
 и пенье створок, где нектар храним мы.
 Но только нет у них шипов —
 вот почему с е р д ц а
 р а н и м ы.

*3 октября 1995 года**Памяти С. Есенина*

Октябрь. Обычный день осенний.
 Рабочий. Будни — по календарю...
 А в сердце — праздник, воскресенье,
 и я его прохожему дарю!

Он важно шествует из леса
 с корзиной, полною грибов.
 Звучит берез золотокудрых месса,
 в ней — юности последняя любовь,

к цветенью буйному, к земле, к святыням.
Бываем мы слепыми по весне,
и прозреваем вдруг в осенней стыни,
в предутреннем коротком сне.

Мерцают астры, трогая до слез,
их незащитность так сродни нам...
И слышится мне в песне звезд —
грусть о “цветке неповторимом”.

Не он ли напоил мой взгляд
весенней синью, майским светом?
И почему рябины так в саду горят?
О вспомните! Сегодня ровно с т о —
исполнилось Поэту!

6

По мотивам картины Цзян Шилуня

*Храм “Собравшихся благовоний”,
Он стоит от людей вдали,
И взбираюсь по кручам вновь я,
Вот уж несколько трудных ли...*

Ван-Вэй, 701—761 гг.

Цветет жасмин в небесных куцах,
и пахнут мятой облака...
Река времен так глубока,
мое суденышко несущая.

Старинный храм среди облаков
стоит вне времени в пространстве.
К нему со всех материков
зовет нас Муза дальних странствий.

Ей ведомы мои тревоги, —
со мной и плачет, и ликует...
К седому храму нет дороги,
среди горных круч тропу ищу я.

С крутого склона даль видней,
и каждый кустик — точно вежа,
и песня неба все слышней,
и все тревожней посвист ветра...

Как пахнут мятой облака!
Цветет жасмин в небесных куцах...
Старинный храм парит в веках:
вне времени — все с у щ е е!

7

Томятся розы в целлофане...
Рассвету нужно ль обрамленьё?
Их алые уста приемлю
в обряде древнем целованья.
Я помогу цветам раздеться,
освобожу от целлофана,
и “омут розовых туманов”
сильней заставит биться сердце.
Понять пытаюсь колдовство:
от роз не отвести мне взгляда,
мне нужен сад, пусть дальнее

родство

с волшебным многоцветьем сада...
Мои стихи питает жизнь,
как корни древа и цветка.
Но скрыта к л и н о п и с ь души
в прожилках тонких лепестка.

1998 г.

* * *

Светло струится древо ввысь,
любуюсь я зеленой кроной!
Прозрею вдруг — даруют жизнь
в земле ветвящиеся корни.

Им не услышать пенья птиц,
им не принять лукавой позы.
Хранит душа на дне темниц —
невидимые миру слезы.

Белеют на пригорках храмы,
в соседстве с небом купола...
Но память мне твердит упрямо:
в душе — звучат колокола.

* * *

День за днем
 не спеша просеиваю,
от плевел отделяю зерна...
Грусть-тоску
 по ветру развеиваю,
за работой думаю просторно.
Окна настезь,
 и дверь нараспашку!
Занавеска — парусом в небо...
Ждут зерна
 белый лист и пашня,
время чувствуя
 каждым нервом.
Не пугает в пути непогода:
соль земли
 гонит кровь по жилам...
Всходит дней моих
 непохожесть
х л е б о м
 н а с у щ н ы м
 ж и з н и .

Не-встреча

Замедлив ход, передохнуть не чая,
к перрону движется состав...
Встречающих не различая,
твое лицо — узнаю я из ста,
из тысяч лиц похожих!
Но нет тебя в чужой толпе.
Не осуждай меня, прохожий,
я, может быть, сестра тебе.
Ты, торопясь, проходишь мимо,
поверх меня скользит твой взгляд.
Тебя не назову я “милый”,
окликну запоздало: — Брат,
отметь меня хотя бы взглядом,
оставь безликую толпу.
Остановись со мною рядом,
услышь души моей мольбу...
Но опустел перрон. И поезд
по расписанию — уйдет...
Стучат колеса: по-рознь, по-рознь...
Нам жить с тобой из года

в год.

Настроение

Тополиная аллея,
приюти последний взгляд.
Ни о чем не сожалею —
годы радугой пестрят...
Красный, желтый, голубой —
промелькнут под небом синим.
Не хочу судьбы иной —
я приписана к России.
К старым липам, к тополям,
к тихим заводям, излукам...
С каждым днем милей земля
перед близкою разлукой.

Скрывается — но я его найду:
ведь без него венки я не сплету,
видать, его оберегает Кто-то...

То юркнет он в незримый грот,
то призрачным виденьем промелькнет
в далеком городе Киото.

2

В далеком городе Киото —
равнинной местности прекрасен вид.
Дворцами древними пленит
он странника в любое время года.

Под пологом веков природа,
лаская волнами гранит,
не раскрывает жизни кода...
Но в очаге — огонь горит!

Я древней тайною влекома,
вновь по тропе иду знакомой,
ведущей в Сад камней.

Ищу на островке укромном —
краеугольный камень дома:
с вершины лет — мне сущее видней.

3

С вершины лет — мне сущее видней,
где камень, там и дом под крышей...
Потом уж заведутся мыши
за печкою. Но будет свет в окне,

и мальчик первые стихи напишет
из “тяжести недоброй” дней...

Средь звездных заблудившийся огней,
он глас Всевышнего услышит,

неизлечимо заболел стихами.
И назовет он книгу — “Камень”*,
хмельному времени в угоду.

А после — примет посох от народа,
и разойдется молвь кругами...
О, сладостнее старых вин — свобода.

4

О, сладостнее старых вин — свобода.
И каждый краткий миг ее крылат,
но не избыть мне горечи утрат.
Мое паденье — станет чьим-то взлетом.

Вся наша жизнь — сражение антиподов:
с крутого склона вешних волн каскад,
дома сметает — бурный водопад!
А в синем небе разлита дремота

длиннотами в моих речах.
Так вот он, камень преткновенья:
тьнь Хиросимы — взлет или паденье?

Не торопись ответить сгоряча,
путь к истине — всегда сомненье.
Дерзай, мой друг, пока горит свеча...

5

Дерзай, мой друг, пока горит свеча...
Недолог срок, потушит пламя ветер.
В зеркале утра — брезжит вечер,
весь прошлый опыт дней влача.

Приемлю я святую ложь врача
у ложа тех, кто смертью мечен.
Врать — тяжкий грех, но разве легче,
убить надежду — в роли палача?

И вынести приговор невежде,
закрыв до срока трепетные вежды
и погасив улыбки свет,

сим подтвердив диагноз безупречный.
А право на ошибку: есть иль нет?
Минуты жизни быстротечны.

6

Минуты жизни быстротечны,
обрывки сна еще свежи...
Кто снимет камня груз с души
моих страданий бесконечных?

Мой крик нелеп под сенью звезд, в тиши
я с Музой ожидаю встречи,
и шепчет ангел мне: — Пиши, пиши! —
о том, что чувствуешь, — чистосердечно,

и камень станет вдвое легче.
Не утаи ни поцелуя, ни плевка,
боль — к миру вынесет река,

рассудит время праведные речи.
Сон длился... Молвили века:
“Жизнь коротка, искусство — вечно”.

7

Жизнь коротка, искусство — вечно,
но часто сущее в плену минут:
помилуют иль в порошок сотрут
художника иль городок беспечный.

И все зависит от случайной встречи:
и выбор цели и короткий суд...
Бомбить Киото — решено, не обессудь:
Гровс* — Стимсону* во всем перечит...

Чуть дело не дошло до драки!
Все ж уступил строптивый генерал, крича:
— Ну что ж, тогда бомбите Нагасаки!

А Сад камней спас Стимсон от атаки,
большой любитель старины... Однако
печален сон в полночный час.

8

Печален сон в полночный час:
быть может, не случайно Сад спасен?
Колоколов Хатыни слышу звон
и вижу зарево Чернобыля — в ночах!

О небо, сохрани мой дом-очаг,
проснись дай: я слышу рядом стон,
с развалин Грозного несется он.
Хохочут бесы, золотом бренча:

с войны не все придут обратно...
Я повторяю заговор стократно:
— Мир дому твоему, мир сакле!

Слова забытые — чеканю:
паденьем частым капля точит камень!
Дай мне, Господь, терпенье капли

9

Дай мне, Господь, терпенье капли:
свой тяжкий крест судьбы нести.
Не впасть в отчаянье в пути,
босой душой упав на грабли.

Ты не откажешь мне, не так ли?
Осмелилась просить Тебя, прости,
но родники души иссякли,
и мрак кромешный — впереди.

Уже своей не различаю боли
от бед чужих во сне скуля...
Сдаются крепости без боя,

когда по ним — свои палят!
И не хватает силы воли,
чтоб жизнь опять начать с нуля.

10

Чтоб жизнь опять начать с нуля —
остановлюсь в раздумье у черты.
Как вдох и выдох: ты и я,
мы в эпицентре пустоты...

Нет прошлого. Мертвы поля,
но живы — юности следы...
И мы, насущный хлеб деля,
отыщем Летний сад, мосты!

Вернем словам забытым — свет.
Помянем тех, кого уж нет:
их имена сегодня с нами...

Вдруг ветерок с Невы повеет
и древо мертвое зазеленеет!
Я вновь разбрасываю камни.

11

Я вновь разбрасываю камни,
бросаю в землю семена...
И ночь моя, что так длинна,
с лучом рассветным в Лету канет.

Взойдут ли семена иль нет —
вся жизнь у юности в капкане.
Купаюсь снова я в обмане,
храню любви незрячей амулет.

Я на пиру желанный гость,
сияет винограда гроздь.
Ловлю твой встречный взгляд!

У дома — тополей аллея...
Нести свой крест все тяжелее.
Как выросли за годы тополя!

12

Как выросли за годы тополя!
О чем листва их шелестит?
Нас осуждает или льстит,
смысл жизни отыскать суля?

Взрастила корни их земля,
листвою пышной — дом укрыт.
Уклад их прост, от взгляда скрыт,
жить для себя и дома — для.

Тянуться к людям без затей,
и льнуть друг к другу все тесней.
Не занимать душе огня!

Я постигаю суть корней.
Но в свете дня — игру теней
Сад вечности скрывает от меня.

13

Сад вечности скрывает от меня
утенка гадкого... К нему плыву,
на лебедином языке его зову,
то зернышком, то червячком маня.

С вершины лет — мне сущее видней.
О, сладостнее старых вин — свобода.

Дерзай, мой друг, пока горит свеча,
минуты жизни быстротечны.
Жизнь коротка, искусство — вечно.
Печален сон в полночный час.

Дай мне, Господь, терпенье капли,
чтоб жизнь опять начать с нуля.
Я вновь разбрасываю камни...

Как выросли за годы тополя!
Сад вечности скрывает от меня
побег зеленый завтрашнего дня.

20 августа 1996 г.

П р и м е ч а н и я:

* Сад камней находится в г. Киото, первой столице Японии: на белом песке — 15 старых замшелых камней, лежащих “в беспорядке”, и как бы ты ни смотрел — видны только 14 из них. Разгадки этого чуда рукотворного нет.

* “Камень” — название первой книги стихов О. Мандельштама.

* Гровс — американский генерал, для которого г. Киото был лишь удобной мишенью для атомной бомбардировки.

* Стимсон — военный министр США бывал в г. Киото до войны, восхищался Садам камней и его дворцами.

Куршская коса

Б.Б.

Уха — на славу удалась:
густа, навариста, пахуча...
И уплыла на запад — туча,
дождем на нас не пролилась.

И вышло солнце из-за туч,
наш вольный пир благословляя.
И голос ветра был певуч,
незримо нас соединяя.

Склоняя наши имена,
подобно травам, трелям, ивам.
И слов, созревших, семена,
рассеивая над заливом.

Взойдет ли хоть одно растение,
запечатлевшее беседы след,
и облик той, встречающей рассвет
и презирающей ночные тени.

Я говорок охрипший тамады —
услышу вдруг в рассветной неге,
и в утренней звезде на дальнем берегу,
и в плеске волн у трепетной воды.

Три грации

Три грации погоды ждут у моря,
и не дождавшись, одна из них
бросается в купель... Умора!
Видеть карусель, несущую на
гребне волн полуодетую девицу,
а две других —
с трагическими лицами, за ней
не поспевающих и вымокших до нитки,
как в дождь на клумбе маргаритки,
отряхиваясь, тянутся к воде.
Они подругу не оставили в беде
и вытащили из купели...
А после бегали по берегу

пустынному и пели,
в восторге от морской стихии.
Три грации! О них пишу стихи я.
Их подвиг втайне повторить мечтаю,
и что-то из Горация
о пользе разума — читаю.

Подслушанный мотив

Песнь печальная все мосты сожгла
и махнула вслед золотым крылом...
— А любовь, как сон, стороной прошла, —
пел мужик хмельной, вспомнив о былом.

Пел и плакал он. Песня вдаль текла.
(Тот мотив звучит до сих пор)
— А любовь, как сон, стороной прошла,
не видать ее из-за синих гор.

Догорал закат на краю села,
от тоски он пел, не скрывая слез:
— А любовь, как сон, стороной прошла,
подарив шипы вместо белых роз.

Пьяный корабль

Седой стармех, по кличке “дед”,
в морях он чтит сухой закон,
вдруг скажет: — Пьяным на воде
быть капитану — не резон.
Но нет запрета кораблю,
что в бурю спорит с океаном,
сигналил берегу: — Люблю!
Ему положено быть пьяным.
От буйных ветров штормовых

идет, качаясь от киля до рубки.
Девятый вал — удар под дых,
и вновь — корабль у новой юбки,
что волны шьют из длинных миль:
не счесть оборок, складок, рюшей,
и белый свет ему не мил...
Но “дед” вдруг дизеля приглушит
и завопит, перекрестясь:
— Взбесились волны,
уж преисподняя, поди, видна!
...Пьянеют корабли от дикой воли,
что посильнее старого вина.

* * *

Я не играю в карты и в рулетку,
случайным выигрышем не дорожу.
Я сломанную ветром ветку,
как символ времени, в руках держу.

Мне кажется, я медленно живу,
но почему же так мелькают дни?
Мою медлительную тень — они
обходят и во сне и наяву.

Я наверстать былое не спешу,
присев погреться около костра.
Но даже в час последний продышу:
— Вся наша жизнь — азартная игра!

* * *

Был июль... И солнце нещадно палило.
Трава пожелтела, и вишня поспела
до срока.
Ослепшее лето глаза мне открыло
и зародило сомненье,
что вызревало из завязи слога...
Плод притягивал взгляд,
вызывая желанье отведать
терпкую мякоть с кислинкой!
Сотни вопросов задать —
и ни на один не ответить,
и устыдиться себя,
за урожаем пришедшей
с корзинкой.

* * *

Я родом из русской зимы,
крещенских морозов дитя.
У близких прошу я шутя:
— О, дайте тепла мне взаймы.

Сковал мое сердце мороз,
страшусь каждой новой зимы.
Прошу у друзей я всерьез:
— О, дайте мне зрение тьмы!

Первый снег

Льнет первый снег
доверчиво к земле,
не зная, что тепла еще она...
Таится жар в ее золе,
листва опавшая — нежна.
Он землю тихо укрывает,

и с ней одной лишь говорит,
и каждый миг боготворит,
и незаметно — умирает...
Любовь не ведает запрета.
Помочь ему бессильны мы,
но песенка его не спета,
она — прелюдия Зимы!
Я знаю, подвиг будет повторен,
и тот, другой, пребудет в славе.
А первый снег? Он в музыке времен
высокой нотой прозвучит
в октаве.

От новорожденного снега
так сладко пахнет молоком.
Вдруг нерастраченная нежность
проснется в женщине тайком...
И станет мать добрее к сыну,
заметив над губой пушок.
И разогнет старушка спину,
увидев из окна — снежок...
И поспешит быстрее одеться,
возьмет у жизни час займы —
дитя понянчить у Зимы.
И м е е т с ч а с т ь е
привкус детства.

Костер

Горит воображения к о с т е р —
за гранью слуха, за пределом зренья.
Мой зорек глаз и слух — остер,
но как ничтожны все мои прозренья.

Так прозревает тьма полузакрытых век,
предвосхитив шагов моих созвучья.
Я слышу, как в огне потрескивают сучья,
вокруг костра подтаивает снег.

Пытаюсь тщетно отыскать в золе
виденья птиц, что в воздухе парили...
Они нашли себе подобных — на земле,
им огненные крылья подарили.

Елена Камбурова

Поющих не было. Была она,
молчащая и бледная стояла...
Но музыка — вокруг нее звучала:
в лучах юпитеров, во тьме окна,
в проеме настезь растворенной
двери,
в пространстве комнаты без стен.
Оплакивая юности потери —
все заслонила з в у к а тень!
Она из тех, далеких лет глядела,
и прозревали мы вослед:
Елена Камбурова пела,
сквозь годы преломляя
с в е т!

1994 г.

Город судьбы моей

Городу Калининграду посвящаю

Я к тебе приросла, прилипла,
как к полдню июльскому — липа...
Как повилика к подолу березы,
как липнут руки к железу в морозы,

где мой дух пребывает в тепле.
Родилась я под знаком Стрельца,
ношу с бирюзой — кольцо.
У старого дома — мое лицо,
стекает время с лица...

1996 г.

Старый диван помогает мне жить
и предан, как верный пес...
А мне предлагают его сменить,
выход, как видите, прост:
на свалку свезти, как ненужный хлам,
и мягкий купить уголок.
Мой старый диван скрипит по ночам —
мне понятен его монолог.
Коротаем вместе ночи и дни,
поверяя друг другу тайны.
У него все морщинки мои —
я их разглядела недавно...
Мы еще поскрипим, старина,
если надо, подтянем пружины!
Зазвонил телефон, не до сна,
знать, кому-то еще нужны мы...

Дом защитит меня от непогоды,
и заслонит от всех ветров — стена...
Но дотянусь рукою до окна
и распахну его до небосвода!
И хлынет свежий воздух,
и аромат цветов и трав

заполнит дом. И звезды —
светить мне будут до утра...
А утром выпорхнет душа из плоти
без слез, без слов и без речей.
Исчезнет, растворится в непогоде,
чтоб снова стать ничьей...

Тень на плетень

Перо — я пишущей машинке предпочту:
мне нравится писать чернилами...
Но как собраться с силами
купить чернил и воплотить мечту,
крылатую, как мой Пегас,
и голубую, будто небо...
Но нет чернил. И день угас:
на белый лист взираю немо.
Слагаю мысленно строку:
“Уж птицы потянулись к югу с севера,
и то, что было голубым, — давно
уж серое” —
вот так, и без чернил писать могу!
Мы все от случая зависим
и тень наводим на плетень...
В основе всех открытий — л е н ь,
праматерь и чернил и истин.

Незнакомка

Шла женщина-тростиночка...
Не шла — плыла,
качаясь по волнам, как лодка!
Так хороша она была:
лицо, костюм... Но более всего —
походка.

и дикий самосуд
с трагическим концом...
Все атрибуты Века — налицо,
но нет в нем места
для Прекрасной Дамы.

Есть чувство странное — тревога,
когда уходит почва из-под ног,
когда зовешь на помощь Бога,
чтобы отвел беду на волосок.

Я вся в смятенье без причины,
улыбки кажутся острее ножа...
И тень Сальери в облике мужчины
скользит так тихо, не дыша

по комнате, где пляшут и смеются,
беспечен веселящийся народ!
Но чашу с ядом кто-то разобьет,
напрасно бесы под ногами вьются.

Жизнь мысли мне мила
до слова...
Она — дитя в утробе дней,
все тычется в висок, ворочается,
словно —
ее душа горит в огне
и ищет выхода. Мое чело,
не в силах плод утомонить, —
рождает с л о в а крик!

В глазах — темно.
Повелеваю слову — жить...
В нем голос мой, и слух, и зренье,
во тьме приходит озаренье:
быть может, поздно поняла,
жизнь мысли — в с л о в е
мне мила.

*У памятника Пушкину
в Калининграде*

Поэт опальный — “ветренный мудрец”,*
мне ветренность твоя мила:
она подобье вольного крыла,
ей не к лицу ханжи чепец!

Июньский, весь в цвету — бульвар
под сенью северных небес...
Не остывает старых ямбов жар,
и не тускнеет славы блеск.

И воздух полон тайных нег,
букеты алых роз горят...
Но среди роз все ищет взгляд:
у Черной речки — красный снег.

Веха

Боре Миненко

Тебе три года — в е х а, не число!
Ты научился говорить и понимать,
что в мире есть добро и зло,
что никого не нужно убивать.

* Слова Е. Баратынского.

Ты любишь трех веселых поросят,
и сам похож на “поросенка”.
Друзей от волка защитить ты рад.
“Я не боюсь его!” — кричишь ты звонко.

Мой маленький мудрец из детства,
печалишь ты и радуешь меня:
от лютых войн нам никуда не деться,
в руинах стонет вся Чечня.

Что ведомо ребенку — недоступно нам
с годами, видно, разум убывает?
Прислушаюсь к ребячьим я речам:
“Пусть никого никто не убывает!”

Сегодня — день рожденья малыша,
три первых года — вежа, не число!
Явилась миру д о б р а я душа,
так, значит, всем нам очень повезло.

13 июня 1995 г.

В лесу роуилась ёлочка

Лишили ёлочку корней,
установили в центре зала
на крестовине: так верней,
устойчивей, чтоб не упала.

Звездой украсили макушку
под крики шумной детворы.
Повесили шары, хлопушку,
дождь золотой из мишуры.

Незримо елка умирала
в сиянье праздничных одежд.
Она едва ли понимала,
что в лес вернуться — нет надежд.

Она прислушивалась чутко,
как смерть кралась по веткам ввысь.
А дети так желали чуда,
кричали: — Елочка, зажгись!

Екатерина

*Кате Пяловой
в день ее пятилетия*

Знаменитой тезки* имя
носишь ты, того не зная.
Не сравню тебя с другими:
ты — моих империй знамя.

Ты моей державы — сила,
золотых волос корона...
Ты краса и боль России —
от ее живого корня.

Родилась под знаком Рыбы,
вербы тоненькая ветка.
Стих мой соткан из улыбок,
из слезинок горьких века.

Внешний день тому порукой,
поднял парус флот бумажный!
Пять корабликов отважных
уплывают друг за другом...

* Императрица Екатерина Великая.

Листопад

В. Дементьевой

Сквозь призму осени смотрю на мир:
он выше стал и, кажется, светлее.
Шуршит опавшая листва в аллее,
справляя свой прощальный пир.

Сквозь призму лет пытаюсь разглядеть
летающих листьев сморщенные лица.
Им хочется быстрее приземлиться,
но никогда им больше не взлететь.

Сквозь призму осени следит мой взгляд,
как мечутся в слепом полете тени...
Зимы предвестье — л и с т о п а д,
в ответе я за каждое паденье.

Ее рассказ

“Помни имя свое...”

В неравном поединке с тьмой —
слезинки светлость и репья букет...
Меж божьим Храмом и тюрьмой —
я выбираю анонимный кабинет.

Инкогнито вхожу я в дом...
(В грехах своих покаюсь позже).
Никто не должен знать о том,
что мной забыты заповеди божьи.

Забыла, кто я, что я, с кем?!
(Когда-то Ксюшей называла мама).
Отныне номер мне присвоен “тыща семь”.
— Кто крайний, — вопрошаю, — я за вами!

Нас много, безымянных невидимок,
мы зашифрованы, нас в святцах нет!
Пути Господни — неисповедимы,
верни мне и м я, анонимный кабинет.

Откровение

Она глядела на него,
он — на нее, шутя, поглядывал.
О ней не зная ничего,
он мысли тайные угадывал.

Она острила так смешно.
Он улыбался ей лукаво.
Они сидели рядом — но
не верилось ей в это, право.

Коснулась вдруг его руки,
сказала: “Ух, какой горячий!”
Ответил, мыслям вопреки:
“Блажен, кто чувств своих не прячет”.

Слова слетали с уст легко,
с ее согласия, с его подачи...
И звездное стекало молоко
в кувшин у д а ч и.

Несла его, боясь разбить,
и сохраняя равновесие,
давно ей не было так весело...
Ледок души сумел он растопить.

Тревога

Прислушиваюсь к себе...
Так хочется под крыло к тебе,
как под зонтик в дождь.

Не проходит внутренняя дрожь,
как перед трудным экзаменом.
Перед глазами — лицо мамино,
и страх за нее...
Мутится сознание мое,
проваливаюсь в ночь осеннюю
дрожащей горошиной
в утробе стручка.
Наверно, так начинается
землетрясение
от земного, неумимающегося
толчка.

O cede

Мне в двадцать — нравилась весна:
я от апрельских дней хмелела.
Мне ночью было не до сна,
но я весной переболела,
и к тридцати — влюбилась в лето!
Царил в душе июльский зной,
оставив памятную мету,
наполнив чувства новизной...
Поверив в первый снег всерьез,
зиме я в сорок поклонялась,
душа от скверны очищалась,
не страшен был любой мороз!
Узнала осень в пятьдесят
подняв опавший лист кленовый.
В его лучах предстал мне с а д,
с прозрачным яблоком медовым...
Упало с п е л о е в траву,
и детским смехом проросло
и строчкой.
О, молодость моя — две дочки,
мой сон апрельский наяву!

Старое фото

Она, смеясь, присела на скамейку,
счастливого не пряча лика...
А рядом — он, сам Бог и повелитель мига,
полуобнял ее, внимая смеху.
Его рука — крыла подобье. Ее колени,
как два щенка незрячих, круглолобых,
увековечил уличный фотограф,
запечатлев счастливое мгновенье.
Фонтан. Случайная скамейка в сквере
пленила их, нет слаще плена!
Любовь распахивает двери
не комнаты — вселенной...
Подстерегает вечность в уголке любом,
и хочется узнать:
— А что за поворотом?
Пора, мой друг, закрыть альбом.
Пора забыть о старом фото.

Меня спросили...

Что помнишь ты из жизни прошлой
за частоколом дальних лет,
за белой снежной порошей
чей ищешь след?
Кому предъявишь ты счета
за день сегодняшний
пустой?
Постой, я вспомнила — щека!
Мужская теплая щека —
из жизни той...

Кто не знал любви смятенья,
не поймет меня, увы!
Не поймет души смущенья,
обращения на “Вы”,
легкого руки касанья...
Как вам это объяснить?
Встречи тоненькая нить
рвется тихим: “До свиданья”.
Задрожит душа ответно,
закружится голова...
Я услышу в стоне ветра —
долгожданные слова.
Станет вдруг пустяк любой —
отраженьем высоты!
Что же все-таки любовь?
Мостик — между “Вы” и “Ты”.

Я и ты

Ты — мудрая вечность.
Я — ветреный миг.
Ты — сказочный вечер.
Я — утренний миф...
Я — майская ветка.
Ты — осени сад.
Я — чуткое веко.
Ты — любящий взгляд!
В веках я — рабыня,
целую твой след...
Ты — звонкое имя.
Я — имени свет.

ПОВЕРХ ГРАНИЦ

*Есть час души, когда прозревшие слова
становятся на миг подобны птицам.
Из уст в уста летит молва,
пересекая все г р а н и ц ы...*

Свободная зона

Поэма

*“К последней страшной свободе
склонился уже наш дух...”*

Н. С. Гумилев. Канцона третья.

1

Свобода — символ пространства от подошв моих
башмаков до линии горизонта,
перетекающей в меня во время прогулок
и странствий.

Зона — вычитание части из целого,
заключенное в скобки, или расстояние от А до
Б, или территория от ручья до тропки...

Но как пришвартовать шхуну к гребню
морской волны? (В пене абсурда — крупницы истин видны).

Я, кажется, нашла выход из положения,
препарируя сонет, как форму стихосложения.
Его четырнадцать строк не кажутся нам
бременем, и вовсе не исключают свободных
мыслей о времени, и даже о законах Ньютона...

Вот почему я не против такой любви:

с в о б о д а + з о н а

2

“Мысль не должна быть четкой...”* — иначе сольются исток и устье реки или жизни...

Рыться в золе подобает черту, а человеку — свойственно сидеть у костра в минуты
светлейшей грусти, тоскуя о потухшем “вчера”,
о неубитой дичи или ускользнувшей рыбке...

Мысль — это цепь привычек, она подобна

* Строка из стихотворения Иосифа Бродского.

матери, качающей зыбку, в которой кричит ребенок и хочет ей что-то поведать!

Так волосы мои, касаясь гребенок, заслоняют мысли от бреда.

3

В грамматике правила подобны закону иль ГОСТу. Их нужно выучить наизусть, а это — не просто. (Воспоминанья наводят грусть).

Но в каждом правиле есть исключения, к примеру для некой “з г и “! И сколько ни напрягай мозги, все равно не раскроешь тайну поблажки этой персоне, и не найдешь на нее управы.

Но вернемся к свободной зоне, ведь она —
и с к л ю ч е н ь е и з п р а в и л.

4

К исключениям — особый подход и своя необщая мера. Заглянем в 1255 год, изучим К ё н н и г, устройство его и манеры. Пройдем через казни, войны, сраженья, через победы и поражения, сквозь времена его взлетов и запустенья...

Попробуем марципанов и уха из форели.

Насладимся громом фанфар и пеньем свирели.

Пригубим из чаши познания, вперив в науку взгляд, и вернемся на круги своя —

в К а л и н и н г р а д. Мне безразличны чины и званья, о них я судить не вправе.

Но у каждого времени — свое обаянье,

и у всякого блюда — свои приправы.

5

Считаю вспять ступени времен, и оживают сонеты Петрарки к Лауре. Дни мои текут под уклон, худо мне, но — хуже литературе...

Грош цена ей сегодня на рынке: в макулатуру сдают Владимира Соловьева и Рильке!

Меняют Льва Толстого на Чейза, Хлебникова — на “Технику секса”. Пустуют театры, не слышно оваций. В моде спектакли без декораций... Приблизена к зрителю малая сцена: для драки державной, для драмы семейной. Время — пастырь, мы его паства, с новой иллюзией свободного братства!

6

Пишу о рае с милым в шалаше... К жилплощади б прибавить метры, иль помечтать о собственном особняке на склоне лет. Но так далек в конце туннеля свет, и дуют с моря ледяные ветры.

Не ведаем, что надобно душе. Судьба-изменница, прикинувшись красавицей капризной, то оттолкнет, то — взглядом поманит! Воздам я должное крутому афоризму: посмотрит — рублем подарит!

Падает курс рубля. Как грибы после дождя цены растут. (Говорят, виноваты энергоносители).

Но соседа не проведешь: во всем он винит “вождя” и надеется — нового изберут, если выстоит в муках страна и мы не уйдем в “небожители”.

А по мне — каждый себе Президент, коль умеет трудиться с темна до темна, и книги читает запоем, будто студент, и совершает полеты во сне...

Пока петух из сарая соседнего дома не возвестит о наступающем дне и радио на короткой волне не напомнит о выставке я н т а р я в фортовой башне “Дер Дона”.

8

Иду по скользкой тропе, ведущей к Верхнему озеру, ее называют тропюю К а н т а...

“В последний момент — открывай козыри”, — учил отец меня, играя в карты. Осталась

медаль его “За взятие Кенигсберга”. Почти полвека прошло с тех пор. Главный козырь — фашизм свергнут, но ослеп Кафедральный собор. Уставив пустые глазницы в века, он верит, пожалуй, в нас!
Над озером луч закатный погас. Замечают могилу о т ц а — снега...

9

Бродят в узких улочках прошлого — т е н и, причудливы фонарей растенья... В сумерках озябший голубь разгуливает по карнизу моего окна.

Из-за голых деревьев видна уцелевшая кирха королевы Луизы. На стенах старых немецких домов, будто виньетки, следы от снарядов... Бессмертны страницы гранитных томов, с номерами дивизий, полков и отрядов, с длинным списком фамилий, имен... Нам так не хватает их!
Живые и те, кого нет в живых, — в общей связке в р е м е н.

10

Чтобы реанимировать любовь в браке, нужно оформить развод и тайно встречаться в прежней постели, оживая в ласках любовных...
Чтобы возродить город, пострадавший во всемирной драке, надо, чтобы строители попотели: ни год и ни два, а десятки лет кровных!
Чтобы спасти плоть от болезни — пьют отвары целебных трав, употребляют мед и лимоны — все, что питательно и полезно...
Чтобы воскресить дух — молитвы творят, слова тайные говорят, песни поют, читают стихи, играют на скрипке или на лютне в собраниях, где многолюдно.

С в о б о д н а я з о н а — залетная птаха, и я на нее примеряю рубаху: льняную, старую, всю в заплатках из прописных истин моей бабки, с васильками по вороту и на манжетах...

(О русском стиле пишут в газетах!)

А з о н а рядится в кроссовки и джинсы.

Газеты читая, судит о жизни. Нефть продает, покупает майки! Меняет рубли на дойчмарки.

Нищих не прячет, просит милостыню. В винах импортных — ищет истину. Курит

“Марльборо”, пьет ликер “Амаретто”

и не признает никакого сюжета!

“Быть или не быть...” — одно из двух, проснулось самосознание в народе.

“К последней страшной свободе склонился уже наш дух”.

В аранжировке толпы мотив звучит незнакомый, напоминающий древние звоны. Но заглушая улицы шум и гомон, солирует голос Свободной зоны.

Кричит, надрываясь, младенец в зыбке, будто птенец, выпавший из гнезда...

Плачет в оркестре первая скрипка, слушайте музыку, Г о с п о д а!

1992 г.

Граница

Пометом метит зверь свои владенья.
Возводит стены на границах человек!
Проходят предо мной — убитых тени:
закон границ суров из века в век.
Граница — дева-недотрога...
Попробуй нежного перста ее коснись,
тот перст окажется подобьем рога:
держись подальше, если любишь жизнь!
Обученные псы и преданные люди
Оберегают “девы” — т р о н...
Чужой земли клочка не тронь!
Разорван зверем в клочья будешь.
В последнем крике — близких не зови,
не обвиняй в жестокости врага:
границы Храм — издревле на крови.
Поверх границ лишь движутся в е к а.

Венгерские мотивы

1

Ночь светла

А. С. Балалыкину

О, как он пел, плясал, свистел:
дрожали звезды в капельке росы...
Так веселятся только на Руси,
не зная, где чудачествам предел.

Он всех сближал, объединял, любил,
усталости не зная и покоя.
Шутом и повелителем он был
и брал он крепости без боя...

Вечерний Мишкольц*, лунный свет,
распахнутость души и окон!

Из русских песен трепетный букет
напоминал о Родине далекой.

Что где-то ждет заветное окно
в любимой Вологде или в Рязани.
О, как прекрасно осязанье
младой мечты из давних снов.

О, как он пел, плясал, свистел —
так веселятся только на Руси!
И тихо ангел по небу летел...
Ты большего у Бога не проси.

2

Подсолнухи, пролески, очертанья гор —
указывали путь нам к Будапешту...
И виноградники, куда не кинешь взор,
вселяли веру и надежду,

что мы в России будем пить “Т о к а й”,
наполнив свой бокал до края!
Все, что имеешь, ближнему отдай
за сладость встречи и глоток “Токая”.

3

Наш самолет покачивал крылами,
уравновешивая воздуха поток.
И колыхалась синева кругами,
сближая Запад и Восток.

Летели мы над облаками,
но не витали в облаках...
На землю возвращала память,
в вечерний Будапешт в огнях.

Давно окопы заросли травой,
и город возрожден, отстроен...
Но свергнут с пьедестала русский воин,
лишь в памяти стоит он, как живой**.

Пульсирует на тонкой шее венка,
и гимнастерка приросла к плечу...
Прости, солдат, собрата венгра:
он уподобился сегодня палачу.

На камне след от бронзовых одежд,
такого и врагу не пожелаешь...
Ты никогда об этом не узнаешь,
что дважды был убит за Будапешт.

* Мишкольц — областной город на севере Венгрии.

** Монумент на горе Геллерт в честь освобождения Венгрии от фашизма (скульптор К. Штробль, 1947 г.); бронзовая фигура советского воина была свергнута венграми в 1994 г.

Кубинка

Кубинскую картошку
я из Москвы везла
и думала тревожно:
а примет ли земля?
Следы от краснозема
остались на руке.
Семь клубней привезенных
томились в рюкзаке.
Их высадила в поле,
у солнца на виду,
и наблюдала с болью:
взойдут иль не взойдут?
Кормила их послаще,
признаюсь, так и быть.
И поливала чаще —
чего греха таить.
Они взошли нечаянно,
расправили листья,

и понеслись в пачанге
зеленые кусты...
Счастливей час — фиеста,
картошка зацвела!
Семья собралась вместе,
такие вот дела...
И думалось невольно,
что мир зачат в любви!
И думалось — о войнах
из-за клочка земли.

В Таллинне

Я спросила мальчишку-эстонца:
— Как проехать на Ласнамяэ?*

Блеснула улыбка-солнце,
он сказал:
— Я вас понимаю!
И стало чуть-чуть светлее
в узких улочках прошлого,
и стало сердцу теплее
на Ратушной площади.
Кивнул мне украдкой Тоомас,
прищурив усталое око.
У друзей я была, как дома,
и не было мне одиноко.

.....
Вращалась Земля по кругу,
доброму слову внимая...
Мне слышалось,
все говорили друг другу:
— Я вас понимаю!

* Ласнамяэ (эстонск.) — новый район Таллинна.

Россия

В чужих гнездовьях твои дети
так рады дальнему “ку-ку”...
О, сколько их по всей планете,
на том, на дальнем берегу.

Россия — горлица-кукушка,
покличь птенцов своих домой.
Скажи им ласково на ушко:
— Не вы, а я томлюсь виной.

Россия — ивушка-купава,
пусти бродягу на постой...
Пространство душ — твоя держава,
и самый главный козырь твой!

Ты — весен ширь и даль сквозная,
в резном кокошнике — изба.
Степная, горная, лесная —
Россия. Родина. Судьба.

* * *

Город мой на российскую карту
волей времени занесен...
И сверяем часы мы по Канту,
путь его в наши дни продлен.
Что ищу я в развалинах замков,
в белой стае летящих дней?
В каждом камне прописано “завтра”,
именами павших парней!
Город мой, неприкаянный странник
у скрижалей семи ветров.
Он свободных людей избранник,

он ровесник с е м и в е к о в!
Мы разгладим его морщины,
воскресим из руин Собор.
И забудут о войнах мужчины,
и забудет о плахе топор.
И вернется домой Агнес Мигель,
в старый дом, уцелевший в грозе,
и поведает нам в новой книге
давний сон о Куршской косе.
Будет звездное небо над нами,
под окошком — рябина и клен!
И добро, что копилось веками,
возведем мы, по праву, на трон.

*Поездка в Тольминкемис**

*“В этой местности в 1743—1780 гг.
жил классик литовской литера-
туры*

Кристионас Донелайтис”.
Надпись на мемориальной плите.

Посмертной славы вспыхивают блики,
доступен взгляду чистый оком.
Поля, поля... — страницы вещей книги,
где каждая строка о нем... о нем!
Здесь жил когда-то пастор Кристионас,
крестил детей,
приветствуя рожденья крик,
нес бремя всех крестьянских кривд
и поднимал в защиту Человека голос.
Из дальних сел пришли крестьяне,
на праздник взяв с собой детей,

* Тольминкемис — ныне поселок Чистые Пруды в Калининградской области. Здесь в 1979 г. открыт музей Донелайтиса.

чтоб приобщить их к светлой тайне —
жить для людей.

Я поклонюсь деревьям и деревням,
что оказали мне такую честь —
пред алтарем стихи свои прочесть.
Сумею, оправдаю ли доверье?

Прусская баллада

1

С тихой грустью туристов встречая,
Анна дочери ищет след,
почитай, сорок с лишним лет,
сладко внуков во сне качая...
К ней с подарками едет Анхен,
потерявшая мать в войну.
Разделяя их боль и вину,
к ним неслышно слетает ангел.
Оплачено кровью доверье —
Анхен в дочки годится ей...
И шумят во дворе деревья,
уцелевшие в той в о й н е.

2

Поле боя — увижу воочию,
годы вспять потекут, назад.
Разгляжу я войны обочину,
жить приехав в Калининград,
в самый западный гарнизон,
место службы не выбирают...
Память сердца — рана сквозная,
нить связующая времен.
Ранен был отец в Кенигсберге
в сорок пятом победном году.
Мерил ж и з н ь он по старой мерке,
заслоня собою беду.

Я живу на прусской земле,
 да хранит нас в Отечество вера!
 Дочь солдата, жена офицера,
 что ищу я в остывшей золе?
 Времена судить не берусь я,
 мы живем на планете людей.
 Стала родиной внуков — Пруссия,
 отчим домом моих детей!

1994 г.

В Германии

Чужая речь страны чужой...
 Зачем отверст мой бедный слух?
 О, как пойму, кто враг, кто друг?
 Уж лучше быть глухонемой!
 Я потихоньку подбирала
 ключи к таинственным речам,
 разгадывая по ночам
 слова, что я не понимала.
 Чужой язык, чужой смешок,
 подстриженный газон,
 прилизанный апрель —
 и Родина за тридевять земель...
 Но вдруг — улыбка немца, как ожог!
 Не вскрикнула и руку
 не отдернула,
 глухонемая, улыбнулась я в ответ.
 Подумала — вот вывести б
 у л ы б к и формулу,
 взяв за основу — сердца свет.

*Рассказывает Ханс Вилер**

По молодости лет я не боялся боя.
Я санитаром начал путь врача...
Испил сполна всю чашу боли,
спасая ж и з н ь
на собственных плечах.
Мне стало ненавистно поле брани:
не все ль равно, кто будет побежден?
Я был в бою под Вязьмой ранен,
отправлен в тыл — и тем спасен.
В большой беде и я, наверно, был виновен,
уйдя мальчишкой на войну.
Поведали мне: Пушкин и Бетховен,
как больно чувствовать вину.
За пядь земли извечен спор,
ютятся войны в нас, как штормы в океане!
И я в душе возвел С о б о р
и распахнул его для покаянья.
Будь проклята стезя солдата,
остались битвы позади...
Я помню заповеди Гиппократата,
и главную из них: “Не навреди!”

12 мая 1995 г.

*Девушка с кубшином***

Лиственниц чуть слышный лепет:
— Холодно. Теплее. Горячо!
Мраморное белое плечо
ветер вдохновенный лепит.

* Уроженец Кенигсберга, 1921 года рождения, профессор, доктор медицинских наук, проживает в г. Ганновере.

** Скульптура Г. Брахерта в парке г. Светлогорска, мрамор, 1944 г.

Девушка присела у ручья,
сбросила нехитрые одежды,
засмушалась, опустила вежды:
юная, нагая и — ничья...

Руки трепетные подняты к кувшину,
до чего же дева хороша!
Ожидает плоть ее — мужчину.
Бога ждет — ее душа.

Ностальгия

С. А. Снегову

1

Вы сумели меня вдохновить,
песнь пропеть об ушедшем столетье!
Я узнала Вас в милом корнете...
Вы сумели меня вдохновить.
Я хочу в девятнадцатый век,
где мазуркам и вальсам внимали,
где язык вееров понимали —
я хочу в девятнадцатый век.
Я свела бы Вас в танце с ума
взглядом, полным тоски и печали.
Повела бы небрежно плечами...
Я свела бы Вас в танце с ума.
Так быстрее же встаньте с колен,
отпустите, корнет, мою руку.
Я не вынесу с Вами разлуку,
так быстрее же встаньте с колен.

2

Вы хотели мне что-то сказать,
тайной мысли поведать причину...
Что ж, мне лестно увидеть мужчину,
не умеющего танцевать...

Вы простите мне вольность, корнет,
посмотрите, ну чем мы не пара?
Мы тихонько споем под гитару,
мы восславим стихами рассвет.
Вы хотели о чем-то спросить
на исходе далекого лета?
Я храню лепесток из букета —
Вы цветы так любили дарить.

3

“Мадам, уже падают листья...” —
напомнили Вы мне вчера.
Любовь — это дар бескорыстья,
а жизнь — это бал до утра!
“Мадам, уже падают листья”, —
я слышу Ваш звонкий смех...
Мгновенье хочу продлить я:
“Ну что ж, хорошо, что не снег!”
“Мадам, уже падают листья...” —
понятен мне Ваш намек.
Так грустно бывает от истин,
прочитанных между строк.

* * *

Под музыку дождя —
давай станцуем танго.
Под музыку дождя —
давай зажжем свечу...
Под музыку дождя —
соединит нас тайна.
Под музыку дождя —
тесней прильну к плечу.
Под музыку дождя —
сольемся в чистом звуке.
Под музыку дождя —

все дни проводила она у Синего,
нехитрый скарб за собой волоча.
Ценила только свободу и силу,
морской стихии под стать!
Песком в одночасье дома заносила,
господню забыв благодать.
С насиженных мест уходили люди,
их от бурь укрывали леса,
и плакали — небеса,
зная, как путь их труден...
...Я увидела д ю н у - седой,
ее мучил беспамятства морок.
Дюна забыла дорогу домой,
и был ее х л е б горек.

Сохрани и помилуй

Другу

Я ни в чем тебя не виню...
Встречу в будущем предугадаю!
Я себя еще догоню,
в босоногой девчонке узнаю.
На дороге твоей — змею
хворостиною исхлестаю.
Я себя еще догоню
в журавлиной высокой стае.
“Сохрани и помилуй, — молю, —
не меня, моих вещей птиц!”
Я к ногам твоим падаю ниц,
все равно я тебя люблю.

В мастерской художника В. Рябинина

Хранитель форм изящных п у с т о т ы:
ракушек, пузырьков и склянок...

Ловлю тоску их взглядов странных,
перенесенных на холсты.

Приют художника напоминает свалку
бродячих мыслей и цитат...

Здесь вписан в Кенигсберг —

Калининград,

с ним разделив и горести и славу.

Задумчивых свечей мерцает пламя,
весь хлам эпохи освещая вдруг,
и все пустоты заполняет п а м я т ь,
грядущего очерчивая круг.

Памяти Иосифа Бродского

*“А воскресенье началось с дождя, и
гость, на цыпочках прокравшись
между скрипучих стульев, снял свою
одежду с непрочно в стенку вбитого
гвоздя...”*

И. Бродский. “Дебют”, 1970 г.

Тяжелую Земли вращая ось,
точнее говоря,

работая в трехсменку,

ушел, не жалуясь на участь и невзгоды,
подруг случайных не кляня...

А я все вспоминаю стих про гвоздь,
непрочно вбитый в стенку,
он был единственным свидетелем

ухода,

задолго до сегодняшнего дня.

В чужом осеннем небе —

крик ястреба успел расслышать он,

но скорость звука рассчитать не смог —
такое вот кино...

Писал стихи, не думая о хлебе,
была бы с о л ь времен!

Любую выдерни из строк —
сегодня ей бессмертие дано.

28 января 1996 г.

Поверх граници,

Есть час вне времени, когда слова
из глубины души прольются,
и в круг один — друзья сойдутся,
и пустошь дней заполонит трава...

И будет сладок чай, заваренный на травах,
и мы разрушим все барьеры меж людей,
и будем мы в самоуправстве правы
той правотой, не знающих границ дождей!

Той немотой летящих в небе птиц,
несущих Африки тепло на север,
над Вислой пролетая и над Сеной,
не признавая никаких границ.

Не признавая войн из-за клочка земли,
оставив дом в речной осоке...
Летят над нами птичьи корабли.
О, нам бы их полет высокий!

Есть час души, когда прозревшие слова
становятся на миг подобны птицам.
Из уст в уста летит молва,
пересекая все границы...

Польша, Голдан. 1994 г.

Из античных листов

1

В саду Академии

В саду, носящем имя Академа*,
сидел Платон в кругу учеников...
Распалась вмиг времен система,
и я вошла в прихожую веков.

Как очутилась в роще я зеленой,
преодолев тысячелетий зной?
А может — это было не со мной,
стихи — плод мысли воспаленной?!

Мне так хотелось вырваться из плена
чужих идей. Но был отверст мой слух.
Вещал философ о душе нетленной,
и был бессмертен каждый звук...

Я мудрецу внимала благосклонно,
и в воздухе витала благодать:
“Что может собственных Платонов
и быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать**”.

* Имя афинского героя; сад — философская школа Платона близ Афин (428—347 гг. н. э.)

** Из стихотворения М. В. Ломоносова (1747 г.)

2

Та ночь

Я верю, что была когда-то Атлантида,
прекраснейший из всех материков...
Загадка времени от глаз сокрыта
на дне морском во тьме веков.

Над кронами дерев сомкнулись воды,
но Атлантида нам покоя не дает:
и ей поэты посвящают оды,
и корабли у Гибралтара замедляют ход.

Окаменели голоса младенцев,
и матерей — застыл истошный крик! —
тем сохранив природы лицедейство,
ту ночь и тот единый страшный миг.

И всё же в мироздании премудром —
ничем помочь ей боги не смогли.
И стало м о р я — больше, чем Земли,
и после ночи наступило утро...

3

Трактат о счастье

“Имеющий зрение — слеп”, —
так размышлял Демокрит...
Только разума острый серп —
редкий цветок сохранит.

Власть над людьми возлюбя,
не чурайся высоких дум.
Укрощенье начни с себя:
страсть сердца умножь на ум.

Встречай улыбкой беду,
душе — спокойствие дай.
Не падай духом в бреду,
и хоть во сне, но летай!

Убей в себе ложь и лесть,
и забрезжит — истины свет:
радуйся тому, что есть,
и не скорби о том, чего нет.

Диалог

— Мне уступи быстрее тропу, скиталец,
устал я от походов и фанфар...
Зачем средь бела дня зажег фонарь,
да знаешь ли, кто я, безумный старец?
Я — царь*, — сказал правитель Диогену, —
и власть мне беспредельная дана!

— А я — лишь киник. Зная жизни цену,
грызу кость истины, ведь жизнь одна.
Я счастлив в бочке под кустами!
Вознес над чернью ты — свой трон,
но от падения не застрахован он...
Не поменяться ль нам местами?

Задумался над предложеньем — царь,
задергалось в гримасе нервной веко!
Увидел Диоген в нем — ч е л о в е к а,
однако не спешил тушить фонарь...

* Александр Македонский.

Молитва

Ст. Покровскому

Все сущее спаси и сохрани:
страницы древних книг и замков стены.
Поводыри в веках — они,
хранят незримый с в е т их тени.

Спаси и сохрани росток безумной веры,
что красоту Земли сумеем мы сберечь.
О, дай нам Бог святое чувство меры
и сохрани живую нашу речь.

Спаси и сохрани живую душу слова
в фамилиях друзей и в именах цветов.

Тончайшей ткани жизненной — основа,
воспоминая наших снов.

Остановись, мгновенье, ты — прекрасно!
Доступно нищему и королю...
Спаси и сохрани... — шепчу бессвязно,
Отечество мое у бездны на краю!

*“Дерзко рвется изведать все, не страшась
и греха, род человеческий...”*

Квинт Гораций Флакк

Так ли уж нужно на батискафе нырять
в глубины
или карабкаться на вершины Памира?
Чтобы еще раз доказать себе, как глупы мы
в упрямом желании — владеть миром.

Так ли уж нужно — лететь в космос,
иль совершать фантастический тур на Венеру?
Чтоб утвердиться в главном: мы победили
косность,
воскресив в беспредельность мечты — веру!

Но кто, кроме нас, про осьминогов миру
поведает,
ведь моллюски и рыбы — немые.
И как ощутим мы сладость п о б е д ы,
не покорив, хоть однажды, — небо?

Так ли уж нужно — бессмертие
покорителям космоса и первопроходцам
вселенной?
Все мы изобретаем велосипед, поверьте мне,
усовершенствуя то колесо, то руль управления.

Желаянные мысли

Жизнь — это способ приручения вещей:
ложек, вилок, заколок для волос, платьев,
плащей...

Их великое множество, и ты среди них —
ничтожество:

то мяукаешь нежно, то в злобе рычишь,
пока их к себе не приручишь!

Но когда их полюбишь, они станут
послушными

и мягкими, как пластилин,
и ты вылепишь все, что захочешь...

Теперь ты — властелин!

Самое трудное — приручить ложку:
помочь ей запомнить

кратчайшую дорожку ко рту

и воздать ей должное по труду.

И тогда все пойдет, как по маслу, —
ты приручишь всяких вещей — массу...

Но этого мало. Тебе с ними жить,
и надо вещи меж собой подружить:

вилку с ножом, стол со стулом, иголку
с ниткой,

простыню с утюжком, заколку с бантом,
подвязку с чулком...

А потом в поисках чулка — перевернуть
весь дом!

Жизнь — нудная канитель: убрать со стола,
застелить постель.

Простирнуть пеленки, заштопать носки —
и не умереть от тоски сегодня и завтра,
весной и летом, в зной и в метелицу —
с утра до вечера канительиться...

Главное — не потерять вкус к этим
послушным

тебе вещам: статуэткам, шляпам, плащам,
тонкому белью и пуховому одеялу...

К письменному столу и морскому кораллу,
к фолиантам и безделушкам,
но скажу тебе тихо на ушко
и повторю тебе снова и снова:

— Вначале было слово!

О, как вещи понимают слова...

За каждой из них идет молва,

всякие слухи и толки.

Собери их вместе и разложи по полкам,
доступным взгляду, проси иль приказывай,
какое исполнить желание: одно или три сразу!

Семь раз отмерь. Смотри в корень
слова-словечка,

и оно пойдет за тобой, как овечка,

и ты уже пастух, укротитель! А не жалкий
Пьерро.

Но попробуй теперь приручить перо,

гусиное, стальное или шариковую ручку

за тысячу рэ —

к белому листу бумаги, к азартной игре
с алфавитом и ко времени, отпущенному тебе
по лимиту... Тебе показалось: ты все сумел,
и можешь выкинуть любой фортель!

— Я приручил слово, — кричишь ты
в форточку.

Но слово выпорхнуло из твоих уст, только его и
видели!

И ты в бессилии начнешь выбрасывать некогда
любимые,

прирученные тобой вещи; ложки, чашки,
книги и рукописи,

станешь срывать с себя последние одежды и ук-
рашения...

И только когда распахнув окно
и растворившись

в пространстве, ты ощутишь истинную
свободу,
зафиксировав угасающим сознанием
далекое эхо своего последнего крика —
осознаешь наконец, что жил ты
только ради этого м и г а!

1994 г.

Об авторе

Самусевич Альбина Григорьевна родилась 9 декабря 1935 г. в Нижнем Новгороде, в семье рабочего. Перед самой войной вместе с родителями переезжает в Белоруссию, где прошли ее детство и юность.

В 1941 г. отец уходит на фронт, в 1945 г. был ранен под Кенигсбергом и впоследствии демобилизован. В 1953 г. Альбина Самусевич окончила среднюю школу в г. Слуцк Минской области и поступила в Минский государственный медицинский институт. В 1959 г., окончив институт, стала работать врачом на Камчатке, затем с 1962 г. по 1971 г. — в Мурманской области. Замужем, имеет двух дочерей. В 1971 г. переезжает в г. Балтийск по месту службы мужа-офицера, а с 1980 г. — живет и работает в Калининграде.

Первое стихотворение “Морская романтика” было опубликовано в 1964 г. в газете Северного флота “На страже Заполярья”, оно же было отобрано в числе лучших в юбилейный сборник стихов — “Поэзия на вахте” (1965 г., Североморск). В 1984 г. подборка стихотворений опубликована в коллективном сборнике “Добрый день” (Калинингр. кн. изд-во). Стихи Альбины Самусевич были отмечены Всеволодом Азаровым в рецензии на этот сборник (статья “Начало большого пути” в газете “Калининградский комсомолец”, 1985 г.). В 1988 г. в местном издательстве выходит первая книга стихов А. Самусевич “Утренний обход”. Подборка стихов из этой книги и рецензия С. Симкина были напечатаны в “Медицинской газете” (г. Москва). В 1990 г. выходит вторая книга стихов “Дайте женщине сад”, а в 1991 г. Альбина Самусевич была принята в Союз

российских писателей. В 1993—1995 гг. выходят ее сборники стихов “Нательный крестик” и “Под музыку дождя”, которые были тепло встречены читателями и коллегами-писателями. Поэма “Свободная зона” и цикл стихотворений о Калининграде переведены на польский и немецкий языки, печатались в журнале “Запад России”, польском журнале “Боруссия” (1994 г.).

Альбина Самусевич пишет и для маленьких читателей, стихи для детей вошли в книгу “Про тебя самого” (Калинингр. кн. изд-во, 1996 г.). Готова рукопись новой детской книги, из которой малыши узнают, что — чудеса легко дарить. Одним из любимых поэтов А. Самусевич был и остается — Сергей Есенин, символ России, душа ее. Она всю сознательную жизнь занималась изучением его творчества, собирала все, что касалось личности поэта. К 100-летию С. Есенина в журнале “Запад России” были опубликованы материалы о жизни поэта, воспоминания его современников под заголовком: “Большое видится на расстоянии...” (№ 1—13, 1995 г.). А в 1996 г. издательством “Янтарный сказ” выпущен сборник, составленный А. Самусевич ,— “Венок Есенину”.

Последней работой — философского плана — стал венок сонетов “Сад камней”, давший название этой книге избранных стихотворений Альбины Самусевич. В настоящее время она продолжает работать врачом, заведует отделением эндоскопии областной больницы.

Содержание

Альбина Самусевич. Предисловие	5
--------------------------------------	---

Утренний обход

Утренний обход	9
Поединок	9
“Я женщина, я — слабый пол...”	10
Цветы	10
Хирург	11
Больничные стихи	11
На старом больничном дворе	12
Утро	13
Детство	13
“Времен связующая нить...”	14
Из арифметики	15
Судьба	15
“Терпсихора — муза танца...”	16
“Сколько ниточке ни виться...”	16
Журавли	17
“Поздняя осень...”	17
“Решето небес...”	18
“Рябина с морозца...”	18
“Белым-бело... Текут снега...”	19
Белое безмолвие	19
“Морозный дух зимы люблю...”	20
“Во тьме быть зрячей — жизни кредо...”	20
“Живу я в мире точных чисел...”	21
Слово	21
Бессонница	22
“Слова, слепые, как щенки...”	22
“Запиши словечко...”	23
“Мне парусник в который раз уж снится...”	24
“Не обучена фотоискусству...”	24
Из северной тетради	25
Заполярье	26
Кижы	27
Вид на Валаам	28
В отпуске	28
Хоста	29
Рисунки на асфальте	29
Воскресший из пепла (<i>Триптих</i>)	30
Песня о Балтийске	32

Дорога на Светлогорск	33
В Москве	34
Апрель	35
“Затоplen луг до перелеска...”	35
“Плывут над морем облака...”	36
Сирень	36
“О нем, я знаю, говорят...”	37
Дайте женщине сад	37
“Я усомнилась в аксиомах”	38
“В глубь бессонниц прорастаю...”	39
“Девиз веков: любите ближнего...”	39
“Не разглядить ткань стиха...”	39
Романс	40
“Как пахнут травы скошенного луга...”	41
Путем вся Земля. <i>Венок вольных сонетов</i>	41
Велимир Хлебников	49
Есенину	49
Памяти Анны Ахматовой	50
Из горской тетради	51
Домик Лермонтова в Пятигорске	51
Свеча Пастернака	52
“Мой взгляд, исполненный печали...”	53
“Два человека могут розно жить...”	53
Художник	54
“Слышишь, море говорит стихами...”	55
Дорогой чаек	55
Жена моряка	56
Гонец	56
“Ладонью море зачерпну...”	57
“Нашла я камушек морской...”	57
“Я восславляю утро...”	58
Сходящему на берег	58
Весенняя фантазия	59
Домик рыбака (<i>Поэма</i>)	61

Сад камней

“Весна дождем вписалась в утро...”	71
Весеннее настроение	71
“Звучит орган, и набирают силу звуки...”	72
Из цикла “Воспоминания о цветах”	73
“Светло струится древо ввысь...”	78
День за днем	78
Не-встреча	79
Настроение	79

Вдохновение	80
✓ Сад камней. <i>Венок сонетов</i>	80
Куршская коса	88
Три грации	89
Подслушанный мотив	90
Пьяный корабль	90
“Я не играю в карты и в рулетку...”	91
“Был июль... И солнце нещадно палило...”	92
“Я родом их русской зимы...”	92
Первый снег	92
“От новорожденного снега...”	93
Костер	93
Елена Камбурова	94
Город судьбы моей	94
Мой дом	95
“Старый диван помогает мне жить...”	96
“Дом защитит меня от непогоды...”	96
Тень на плетень	97
Незнакомка	97
“Не люблю — узкие улицы...”	98
Барахолка	98
Триллер	99
“Есть чувство странное — тревога...”	100
“Жизнь мысли мне мила...”	100
У памятника Пушкину в Калининграде	101
Веха	101
В лесу родилась елочка	102
Екатерина	103
Листопад	104
Ее рассказ	104
Откровение	105
Тревога	105
О себе	106
Старое фото	107
Меня спросили	107
“Кто не знал любви смятенья...”	108
Я и Ты	108

Поверх граници

Свободная зона. <i>Поэма</i>	111
Граница	116
Венгерские мотивы	116
Кубинка	118
В Таллинне	119

Россия	120
“Город мой на российскую карту...”	120
Поездка в Тольминкемис	121
Прусская баллада	122
В Германии	123
Рассказывает Ганс Вилер	124
Девушка с кувшином	124
Ностальгия	125
“Под музыку дождя...”	126
Утро в Лесном	127
Бродячая дюна	127
Сохрани и помилуй	128
В мастерской художника В. Рябинина	128
Памяти Иосифа Бродского	129
Поверх границ	130
Из античных листков	131
В саду Академа	131
Та ночь	131
Трактат о счастье	132
Диалог	133
Молитва	133
“Так ли уж нужно...”	134
Нечаянные мысли	135
Об авторе	138

*Автор выражает сердечную благодарность коллективу ЗАО "Судоремонт— Балтика" (Президент — **Крючков Владимир Григорьевич**), а также **Горельшеву Александру Сергеевичу** и **Тимофеевой Елене Сергеевне** за помощь в издании этой книги стихов.*

Самусевич Альбина Григорьевна
САД КАМНЕЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Художник **Алексей Старцев**

Редактор *В. Ковалева*
Художественный редактор *А. Старцев*
Технический редактор *Т. Костина*
Корректоры: *В. Козулова, Е. Таргонская*

Б.Ц.

ЛР № 010276 от 2.02.1998. Сдано в набор 8.08.98.
Подписано в печать 20.10.98. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага мелованная. Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 5,9. Тираж 500 экз. Заказ 13175.

Отпечатано в типографии Государственного издательско-полиграфического предприятия "Янтарный сказ".

236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

ЯНТАРНЫЙ СКАЗ
КАЛИНИНГРАД

ISBN 5-7406-0209-2

9 785740 602097